

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

КОНСТАНТИН КАЛБАЗОВ
НЕСГИБАЕМЫЙ

Annotation

Мир, где правит балом пар. Стимпанк? Да нет. Обычный в общем-то мир. Даже история чем-то похожа на нашу. Просто двигатели внутреннего сгорания тут отсутствуют как класс. Нашему современнику, и по совместительству автослесарю, как раз в такой мир и посчастливилось попасть. И... Ну разумеется, первое, что пришло ему на ум, это создать ДВС.

Н-да. Казалось бы, все просто. Но просто, как известно, ничего не бывает. Ведь может случиться и так, что на этом пути ему повстречаются: жадный купец со своими подручными, беглые каторжники, не брезгающие полакомиться человечинкой, хунхузы и сбрендившие от золотой лихорадки старатели. Поди разберись со всем этим. Так еще маячит неизбежная встреча с головорезами какого-то тайного клуба почитателей паровых машин. Подумаете, он о них ничего не знает? Это не имеет ровным счетом никакого значения.

Константин Калбазов

Несгибаемый

Обычный стук в дверь может быть весьма выразительным. Он бывает робким, нервным, ровным, отчаянным, вежливым, уверенным. Да-да, все именно так и обстоит. Сами проверьте – и убедитесь в правоте этих слов. Тут ведь дело не в самом стуке, а в том, кто стучится в вашу дверь, потому что стук – это выражение эмоционального состояния человека.

Этот стук в дверь мастерской инженера Верховцева был требовательным. Так стучат лица, облеченные властью.

– Верховцев, откройте, полиция! – подтверждая его мысли, раздался голос из-за двери на одной из створок ворот.

Пусть они и были набраны из сосновых плах, тем не менее сработаны на совесть, и до ветхости им еще очень и очень далеко. Да и петли с запором весьма серьезные. Вот так ходу и не вышибешь. Тут усилия нужны и таран. Ну в крайнем случае – кувалда. К вопросам безопасности Верховцев относился со всей обстоятельностью. Он не так уж и богат, скорее беден, потому каждая железка, а уж тем более инструмент, имеет для него особую ценность.

Ну и, разумеется, его детище. Инженер собирался, ни много ни мало, совершить прорыв в науке и механике. Его открытие должно было перевернуть все существующие представления и создать новую веху в развитии человечества. Перспективы открытия просто завораживали. И пусть его изобретение пока еще несовершенно, с множеством детских болячек, это ни о чем не говорит.

Сегодня паровые машины имеют настолько компактные размеры, что без труда помещаются в сравнительно небольших автомобилях. А ведь начиналось все с таких огромных и неповоротливых махин, что их более века и на кораблях-то установить не могли. Да и принцип использования был, мягко говоря, так себе. А уж о коэффициенте полезного действия и упоминать нечего.

Изобретение же Верховцева, имея куда более скромные габариты, на выходе будет гораздо эффективнее. Нет, не сейчас. Это дело далекой перспективы. Но эта перспектива есть! Первые корабельные паровые машины уступали коноводным судам, и многие отмахивались от сложных и дорогих устройств. Вот только к тому моменту конноприводные машины отживали свой век, а паровые лишь набирали силу.

Конечно, паровым машинам еще весьма далеко до предела, и век их будет долог. Но его изобретение оставит их далеко позади. Верховцев был в этом уверен. И ярким тому подтверждением служит его детище – двигатель внутреннего сгорания. Правда, он пока не нашел инвестора, готового вложиться в разработку, но не терял надежды. Точнее, инженер верил в свой успех.

А пока суд да дело, продолжал совершенствовать новое устройство. Вот он, собственноручно собранный им первый автомобиль с двигателем внутреннего сгорания. По сути, пока только рама на колесах с широким сиденьем в виде скамьи. Но он бежит. Причем практически не уступает своим паровым конкурентам. Ну почти не уступает, а в чем-то и превосходит. Хотя недостатков, конечно, пока хватает.

Поначалу мотор работал достаточно шумно, распугивая прохожих, собак и кошек. Но постепенно с помощью глушителя, выполненного по принципу прибора для бесшумной стрельбы, удалось значительно понизить шум. Заплатить за это пришлось небольшой

потерей мощности. И все равно двигатель работал куда как громче паровой машины.

Верховцев постоянно дорабатывал свое изобретение, с каждым разом добиваясь все лучших результатов. Но, к сожалению, по надежности соперничать с паровой машиной его двигатель пока не мог. Вот и после последних испытаний автомобиль доставили в мастерскую с помощью нанятой лошади. Но это нормально. Мать всегда рождает своего ребенка в муках. Главное, не отчаиваться, сделать надлежащие выводы и продолжать идти вперед.

Верховцев бросил взгляд на автомобиль, потом обернулся к помощнику. Молодой парень, скорее даже мальчишка, с масляными разводами на лице. Без тени испуга он смотрел на инженера, и все его лицо выражало непонимание. Полиция? Нет, если бы испытатели задавили хотя бы курицу... И потом, их памятная поездка состоялась три дня назад. Даже если и возникли какие претензии, как-то полицейские припоздали.

– Саша, давайте-ка, от греха подальше, вы выйдете через заднюю дверь, – проворачивая ключ в замке черного хода, тихо предложил инженер.

– Зачем, Павел Валентинович? – искренне удивился подросток, так же не повышая свой пока еще не сломавшийся чистый голос.

Хороший вопрос. Вот только ответа у Верховцева не было. Он знал, что чист перед законом. Понимал, что полиции нечего делать в его мастерской. Он даже в молодости не состоял ни в каких политических кружках, без остатка отдаваясь будущей специальности. Но этот визит его по-настоящему испугал.

– На всякий случай, – решительно произнес он и вытолкнул молодого человека в дверь, ведущую в сарай.

Нет, его предосторожность тут ни при чем. Он просто арендовал старый пакгауз. Все остальное тут уже имелось, и он просто пользовался помещением.

– Верховцев, немедленно откройте! – снова раздался властный стук в дверь.

– Иду, – наконец откликнулся инженер. – Ступайте домой, Саша. Завтра увидимся. Мало ли что на меня наговорили. Люди, они знаете какие? А вам со мной в участке делать нечего.

– До завтра? – с долей сомнения уточнил юноша.

– Ну конечно, до завтра, Саша. Как обычно.

Верховцев, провернув ключ в замке, направился к двери, в которую вроде как пока прекратили колотить. Но никаких сомнений, если он в скором времени не откроет ее, то все повторится. И вообще, чем дольше простоят стражи порядка снаружи, тем более раздражительными войдут внутрь.

– Почему так долго не открывали? – строго произнес ступивший в ярко освещенную мастерскую околоточный.

Вслед за ним в помещение прошли двое городских. Не сказать, что Верховцев так уж задавался вопросом, кто является их околоточным. Но несколько раз он все же наблюдал полицейского со стороны. Правда, не знал его имени. Впрочем, это ведь поправимо.

– Простите, а с кем имею честь? – спросил он.

– Околоточный надзиратель Ляпов Игнатий Семенович.

– Ясно. Чем обязан?

– Вы здесь один? – не ответив, поинтересовался околоточный.

– Да.

– А ваш помощник? Мальчишка у вас тут вертелся.

– Я не знаю, где он. Сегодня его не было, – решил оградить подростка от неприятностей

Павел Валентинович. – Он что-то натворил?

– Ничего особенного. Он мог кое-что видеть. Где он проживает?

– Не знаю, – покачал головой Верховцев.

– А фамилия у него есть?

– Я не спрашивал.

– Как так? – вздернул брови домиком полицейский.

– Он хороший помощник, и мне этого достаточно. Руки растут из нужного места, кое-что смыслит в механике. На уровне ремесленного училища, но для помощника этого более чем достаточно. Основная работа лежит на мне. И все же, он что-то натворил?

– Нет, Павел Валентинович, он ничего не натворил. Говорю же, он интересуется нас только в качестве свидетеля. А вот вы – другое дело.

– Я-а?

– Именно вы. Я получил указание от обер-полицмейстера столицы доставить вас в столичное управление. Вон даже двоих городских прислали. И потрудитесь прихватить с собой всю документацию на ваше изобретение. Кстати, это оно? – Полицейский ткнул пальцем в двигатель, пристроившийся на массивном верстаке.

– Да. Это мое изобретение, двигатель новой системы.

– Н-да. Ну, тащить его нам никто не приказывал. Пусть остается.

– Да в чем, собственно говоря, дело? – возмутился инженер.

– В точности мне неизвестно. Но, кажется, кто-то обвиняет вас в том, что вы украли его изобретение. Павел Валентинович, – предвосхищая недовольство инженера, околоточный поднял руку в примирительном жесте, – я понятия не имею, что вы тут изобрели. Я просто выполняю приказ. Прошу понять меня правильно.

– Л-ладно. Если позволите, я умоюсь, и мы можем отправляться.

– Я так понимаю, к вам домой за бумагами? – уточнил Ляпов.

– Вот еще. Идти домой в сопровождении полицейских чинов.

– Но я получил приказ.

– Все чертежи, расчеты и выкладки здесь. Я как раз работал с ними.

– Ясно. Благодарю вас.

Это было последнее, что слышал Верховцев в своей жизни. Потому что в этот момент отточенный клинок вошел ему в почку, оборвав так и не родившийся вскрик.

– Это... зачем это? – испуганно выдавил из себя околоточный.

– Не журишь, Игнатий Семеныч, накину тебе еще пару сотен для успокоения совести.

– Н-но-о...

– Никаких «но». Ты совершал обычный обход, а что там случилось после того, как ушел, и знать не знаешь. Все, стой в сторонке. Иван!

– Я, Петр Анисимович! – отозвался второй городской.

– Неси из пролетки адскую машинку. Детище убило своего создателя, это происходит повсеместно.

– А мальчонку искать не будем?

– Чего его искать. Мальчишка как мальчишка. Ну знает, с какой стороны за напильник держаться, так и что с того.

– Ясно.

Отправив помощника на улицу, старший подошел к рабочему столу и, не вдаваясь особо в детали, стал жечь бумаги в большом железном ведре. Он хотел быть уверенным в том, что

ни одна бумажка не уцелеет, выметенная взрывом за пределы пакгауза.

Покончив с документами, напарники опрокинули две бочки с бензином, стоявшие в углу. После чего старший положил на двигатель адскую машинку, и мужчины вышли из пакгауза, заперев за собой дверь.

Взрыв и пожар случились через час. Причем полыхало так, что пламя перебросилось на соседние строения. Учитывая же то, что в этих пакгаузах размещались угольные склады, хотя и практически пустые в настоящее время, на долю пожарных выпала тяжелая работа. Согласно полицейскому заключению возгорание произошло в результате взрыва изобретения одного из арендаторов. Его останки были обнаружены в снимаемом им помещении, выгоревшем дотла.

Глава 1

Парень с непростым характером

– Здравствуй, Вадик.

– Ты-ы...

– Я, конечно. А ты думал, заяву на меня оформили, так я по углам стану прятаться?

– Лучше иди своей дорогой и не усугубляй ситуацию.

– А то что? Хуже будет?

– Будет.

– Это как? Ты и твой папаша-судья еще пару лет накинете?

– Сомневаешься? – даже слегка вскинув подбородок, нагло произнес молодой человек лет двадцати пяти.

– Ничуть, – мило улыбнувшись, ответил его сверстник, высокий и крепко сбитый парень, девяносто кило живого веса без капли жира.

А потом без предисловий нанес удар ногой в голень стоявшего перед ним представителя «золотой» молодежи. Удар вышел настолько сильным, что послышался явственный треск. Вадик упал на асфальт подъездной дорожки как подкошенный и тут же огласил двор многоэтажек криком, полным боли. Хм. Похоже, нога сломана. Впрочем, плевать. Хуже уже не будет.

Парень, нанеся удар, словно не замечая людей, находящихся во дворе, присел рядом с упавшим и закрыл его рот своей ладонью. При этом он держался абсолютно спокойно, словно ничего особенного и не происходит. Хотя он отчетливо видел, как две женщины сразу вскинули к уху сотовые телефоны, наверняка вызывая полицию.

Молодой паренек лет шестнадцати все снимал на видео. И помешать ему не было никакой возможности. Только если догонишь. Но это вряд ли. Очень может быть, что скоро этот ролик будет выложен в соцсетях. Плевать. Запись с мобильного, да еще и с такого расстояния. Это не доказательство, а так, недоразумение. Хотя папаша Вадика очень даже может посчитать это доказательством, да скорее всего так и сделает. Но... Петру и впрямь было плевать, плюс-минус пара лет ничего не решали.

– Прикинь, Вадик, как мне все поровну. А теперь слушай. Ты знаешь, что был не прав. Я это знаю. И все, кто там был, это знают. Хотя сейчас и дают показания против меня. Но посадить твой папаша решил меня. К сожалению, помешать по закону я ему не смогу. Завтра заседание, где будет решаться вопрос о моем аресте на время следствия. Адвокат говорит, что дело не стоит выеденного яйца, а я знаю, что завтра начнется моя долгая отсидка. Но я завтра не пойду на заседание суда. Не хочу. Конечно, меня могут поймать и накинуть срок. Но видишь ли, Вадик, тюрьма – это такое дерьмо, откуда рано или поздно выходят. А вот из могилы не встают. Понимаешь? Мне плевать, как ты будешь решать со своим папашей, но заяву ты заберешь и забудешь о моем существовании. Хотя можешь этого и не делать. Сам решай.

Петр поднялся на ноги и, отряхнув колени, посмотрел на юного папарацци. Задорно ему подмигнул и окликнул:

– Ну как картинка?

– Класс, – с наглостью человека, уверенного в своей безнаказанности, ответил паренек.

– Наверняка хорошо бегаешь?

– Да уж неплохо.

– И Саню Кривого, наверное, знаешь? Чего молчишь? Его тут все знают.

Саня Кривой был воспитанником детского дома в Эссентуках, откуда, собственно, вышел и сам Петр. Причем воспитанником он был непоседливым: ходил по грани, останавливаясь только в шаге от колонии. Хм. Не всегда, в общем-то, останавливаясь. И сколько Петр с ним ни разговаривал по этому поводу, все без толку. К тому же пока Кривому везло. Так вот, этого оторву могли не знать лично, но слышали о нем все подростки трех микрорайонов, граничащих друг с другом.

– Ну знаю, – ответил паренек.

– Тогда сотри запись и иди своей дорогой. Я бегать за тобой не буду. Выздоровливай, Вадик, – посмотрев на лежащего на асфальте страдальца, обратился к нему Петр. А потом, подмигнув, закончил: – Надеюсь, здоровье тебе все же понадобится.

Картинно помахав ему ручкой, Петр развернулся и зашагал в сторону проезжей части улицы Октябрьской. Там на обочине была припаркована его «четырнадцатая». Не новая, при покупке даже изрядно убитая. А на другую ему и не наскрести было. Но за пару месяцев он буквально преобразил ее, превратив во вполне приличный автомобиль. Удобно все же быть хорошим автослесарем.

Пусть Петр специализировался только на российских марках, это ничего не меняло. Конечно, люди весомые и со связями у него не чинили и не обслуживали свои авто. Они все больше предпочитают иномарки, да и то стараются избавиться от них до того, как те начинают доставлять проблемы. Но заработок и российский автопром вполне обеспечивает, а еще позволяет обрасти нужными связями. Нашлись знакомые и для того, чтобы покрасить кузов, и для того, чтобы привести в порядок салон. Петру оставалось только приобрести необходимые материалы. С кем-то рассчитался, кому-то остался должен. Не беда. Случись, и он поможет. Земля – она ведь круглая.

– Иван, я требую, слышишь, требую, чтобы ты немедленно надавил на полицию! Пусть закрывают этого недоумка.

– Как Вадик? – потеряв руками лицо и взбадриваясь таким нехитрым способом, встретил жену председатель эссентукского городского суда Пяльцын Иван Родионович.

– Плохо. Очень плохо. Этот ублюдок сломал нашему мальчику большую берцовую кость, – едва не с отчаянием произнесла моложавая женщина.

– Инна, я тут вызвал к себе участкового, – наводя порядок на рабочем столе, где все и так было в порядке, заговорил Пяльцын. – Он уже лет пятнадцать обслуживает участок, где расположен детский дом, и этого Пастухова знает как облупленного.

– И что нового он тебе поведал об этом детдомовском быдле?

– Да так. Дополнил пару-тройку штрихов, которые никак не укладываются в характеристику и сухие рапорты. Понимаешь, до четырнадцати лет он был тем еще оторвой. Лез везде, где надо и не надо. Даже в разбоях участвовал. А потом как отрезало.

– Ну правильно. Пока был не субъект, куражился, а потом хвост поприжал, – как о само собой разумеющемся высказалась Инна Петровна.

– Это с одной стороны. А с другой – стал лучше учиться и не имел ни одного привода в милицию. Потом поступил в техникум, армия, работа. Через три года после дембеля он уже самостоятельно снимает цех. Причем в хорошем месте и с солидной арендной платой. Два

года – и он участвует в долевом строительствеквартирного дома. То есть уже скоро у него будет собственное жилье. Не та комната в малосемейке, что ему выделило государство, а отдельная квартира.

– Ты это к чему, Ваня?

– К тому, что у парня планы на жизнь. Не удивлюсь, если и с Надей он встречался не просто так, а с намерением завести семью.

– Ты хорошо подумал? Надя и он, – презрительно бросила Инна Петровна.

– Нормально я подумал, – несколько резко отмахнулся Иван Родионович. – Парень свернул с кривой дорожки и решил подняться на ноги. И у него это получилось. Заметь, не «почти получилось». Он добился своего. Осталось только обзавестись семьей и жить-поживать да добра наживать. А тут наш оболтус, и вся жизнь псу под хвост из-за какой-то плюхи.

– Плюхи?! Да у Вадика было сотрясение головного мозга. И еще неизвестно, как это аукнется в будущем, – возмутилась женщина.

– Инна, ты меня не слышишь. Он, не скрываясь, при свидетелях, среди бела дня сломал ногу нашему сыну. Ему плевать на все. Понимаешь? Он одиннадцать лет карабкался из ямы, и тут его опять туда сбрасывают. Была бы у него семья, еще было бы о чем задуматься. А так... Ему нечего терять. А мы загнали его в угол. Ты это понимаешь своими адвокатскими мозгами? И он пойдет до конца. В этом участковый уверен.

– Ну так загони его крепко и надолго.

– Загоню. Но на пожизненное ему все одно не наскребу, и рано или поздно он выйдет.

– Ничего, посидит, оботрется, присмирееет.

– Очень сомневаюсь. И потом, наверняка он не явится на завтрашнее заседание.

– Ты боишься? Ты боишься этого ублюдка?

– Я боюсь за нашего сына. Не знаю, как ты, а я не сомневаюсь в том, что он слетел с нарезки и не остановится. Выключи материнский инстинкт и включи мозги, тогда и ты испугаешься. Или предлагаешь прятать от него Вадика?

– Ваня, но наш престиж! Все скажут, что мы испугались наезда простого детдомовского отребья.

– Ничего. Это мы переживем. Ты вот что. Кто там у тебя в адвокатской конторе самый ушлый? Вялых? Вот его на это дело и определи. Пусть разваливает.

– Ваня.

– Я ничего, никому и никогда не прощаю. Просто нужно немного обождать. Сейчас ему нечего терять. Посмотрим, как оно будет через пару-тройку лет. Так что Вялых пусть там особо не усердствует. Ну и ты знаешь, что нужно делать. Это просто отсрочка, Инна. Просто отсрочка.

– Я тебя поняла.

Вообще-то раньше ему летать как-то не доводилось. Дорогое это удовольствие, да и летать-то ему было некуда. Служил недалеко от дома, если куда и выезжал, так на моря, с друзьями и подругами. Не близко, конечно, выходит, километров под семьсот – восемьсот. Но это все больше по кругу, объезжая горы. Обещали к Олимпиаде закончить тоннель, но планы так планами и остались. А то можно было бы в Сочи ездить на выходные, просто покататься. А что? Тут по прямой всего-то километров двести получается. Рано утром выскочил и вечером вернулся домой.

Так что этот полет был первым его опытом. И надо сказать, неудачным. Не понравилось ему летать. Разве только быстро, это да. А так сидишь несколько часов, как в автобусе, ни повернуться, ни сесть вольготно. Это тем сильнее ощущается, что он уже привык на своей машине разъезжать. Опять же, на водительском месте, со всеми удобствами. Ну и остановиться можно в любой момент.

Но больше всего его раздражала долгая посадка в аэробус, а теперь еще и вот, жди свой багаж. А как без вещей-то в такую даль? Как ни крути, а почти за четыре тысячи километров от родного Кавказа забрался. Красноярск, однако. Наконец на ленте показалась его сумка. Легко подхватив ее, он направился на выход.

Едва только покинул зал прилета, как тут же увидел недовольного Васютина. Тот с явной укоризной показал свой телефон и постучал по нему указательным пальцем.

– А я при чем? – развел руками Петр. – У них там сеть почему-то не ловит.

– Ах да, есть такая беда. Ладно. Проехали. Ну что, привет, что ли, б-босота.

– Привет, б-ботан.

Они обнялись не просто как давние знакомые или друзья. Нет. Так обнимаются только родные люди. И пусть в их крови нет ничего общего, их роднила общая судьба. Или, если говорить более точно, один дом. Детский дом.

Васютин был на пять лет старше Пастухова. Сергей не раз и не два пытался воздействовать на хулиганистого мальчишку, достучаться до него. Но все без толку. Нет, в отличие от остальных, Петр никогда не подтрунивал над старшим товарищем. Мало того, он смотрел на него с немалой долей уважения за его стремление добиться в жизни успеха. Правда, не верил в то, что это возможно.

Но Васютин удивил всех, умудрившись поступить в Красноярский университет на физический факультет. В принципе именно благодаря этому примеру Петр решил тоже добиться чего-нибудь в своей жизни. Хотя его планы простирались не так далеко. В науку он не собирался. Его вполне устроили бы крепкая семья и достаток в доме. То, чего он в свое время был лишен.

Пастухов вообще считал, что Абдулла из «Белого солнца пустыни» был совершенно прав. Хороший дом, хорошая жена. Что еще нужно, чтобы встретить старость? А ничего, по сути. Нет. Нужны еще дети и внуки. Слишком приземленно? Пусть. Ему большего не надо. Эту цель он считал по-настоящему достойной. Вот Сергей – тот нет, все мечется, хочет чего-то добиться и оставить после себя след.

– Ну, рассказывай, как там наш Кавказ, Ессентуки, – подхватывая сумку Петра и увлекая его на автостоянку, потребовал Васютин.

– Ты не поверишь. После твоего отъезда в прошлом году ничего не изменилось. Стоит, представляешь. И Эльбрус все так же двуглавый и величавый.

– Ну-у, если так, то я спокоен. Но, помимо топографии, есть еще и народонаселение. И вот тут я попросил бы остановиться поподробнее.

– Стукнул кто-то?

– Да ты и стукнул. Это что же в лесу должно было сдохнуть, чтобы ты приехал отдохнуть не на море, а ко мне. Да еще и попросился на пару месяцев. Ну что ты так на меня смотришь? Звонил я Марии Семеновне. Ты же знаешь, она за многими присматривает даже после выпуска. А ты у нее на особом счету, – забрасывая сумку на заднее сиденье подержанной «тойоты», заключил Сергей.

– А. Ну да. Я как-то и забыл, – открывая дверь машины, произнес Петр.

– Так что там случилось? Из ее рассказа ты чуть ли ни убил кого-то.

– Да не убил я. Хотя и допекли.

– Ну так рассказывай. Чего жилы тянешь?

– А нечего рассказывать, Сереж. Все вроде было нормально. Дела у меня в гору пошли.

Клиентура, заработки. Как говорил мой наставник дядя Леша, любит меня железо, само в руки дается.

– Ну, это я знаю. В прошлом году навещал Ессентуки, если помнишь. Ты давай то, чего я не знаю.

– Словом, вложился я в доленое строительство, свою малосемейку – на продажу. А в квартиру, как ты понимаешь, не помешает хозяйку привести. Ну и начал перебирать, подыскивая себе варианты. Сошелся с одной, потащила меня в ресторан. А я что? С заработками нормально, могу себе позволить.

– Настолько пришлась по душе? – отрываясь от дороги и бросив взгляд на друга, поинтересовался Сергей.

– Да я и сам тогда еще не разобрался. Ну как «на слабó» меня взяла. Понимаешь?

– Понимаю.

– Ну вот. Сидим, культурно отдыхаем. А тут подходит какой-то чужак из деток начальников и говорит Наде, мол, зря она приперлась сюда и ему плевать, что у нее новый ухажер. Тем более такое быдло.

– Зря он это сказал, – крикнул Сергей.

– Зря, – легко согласился Петр.

– Ты ему хоть извиниться предложил?

– Предложил и был послан. Ну и приложился разок.

– Разок?

– Честно говорю. Только раз и ударил. Правда, его в больничку определили. Сотрясение головного мозга. Хотя я до сих пор не пойму, чего там трести? Так вот, он оказался деточкой нашего председателя суда, а мамка – глава адвокатской конторы. Ну и взяли меня в оборот. Крепко взяли. Мне Юрий Иванович позвонил, участковый наш, помнишь?

– Помню, конечно.

– Так вот, звонит он мне и говорит, что дело дрянь и меня решили закрыть до суда, а там все расклады, что я поселюсь за решеткой надолго.

– Тебе это Юрий Иванович рассказал? – искренне удивился Сергей.

– А что такого? Это я, пока мне четырнадцать не стукнуло, житья ему не давал. А потом стал примерным. Книжки стал читать.

– Ага. Фантастические боевики, – фыркнул Сергей.

– Ну и что? Книжки же.

– Дальше давай, книголюб.

– А что дальше? Пришел я к этому Вадику и сказал, что если меня посадят, то я его на тот свет спроважу.

– А чтобы он поверил?

– Ну-у... чтобы он поверил, я ему ногу сломал средь бела дня прямо у него во дворе.

– Н-да-а. Сколько раз говорил тебе, что доказывать кулаками – последнее дело, все без толку.

– Напрасно ты так, Серега. Я тебя слышал еще одиннадцать лет назад. И хорошо слышал. Просто с этими по закону не получится. Они сами этим самым законом вертят как

ХОТЯТ.

– Ну и как? Прониклись?

– А знаешь, прониклись, – взбодрился Петр. – И он, и родители его. Заседание суда по поводу моего ареста перенесли. А Юрий Иванович мне сказал, чтобы я пока свалил из города, благо подписку не давал. Мол, они сами все на тормозах спустят.

– И ты поверил?

– Ну, потом-то наверняка отыграются. Тут к гадалке не ходи. Это они меня сейчас в угол приперли. Но я решил свалить из родного города к Бениной маме. Да вот хотя бы в Красноярске обоснуюсь. Так что я не просто так тут, а с прицелом.

– Люди подумают, что ты сбежал.

– А пусть думают. Так и судья лицо сохранит, и мне спокойнее. И потом, я-то знаю, кто заднюю включил. На остальное плевать.

– Ну что ж, верно решил. А что тогда налегке? Подумал, не приму?

– Серега, вот мысли даже не было. Но я и впрямь только осмотреться. Оно и далеко, и какая-никакая поддержка есть. Но и там все закруглить надо. Комната в семейном общежитии стоит, квартиру в скором времени введут в эксплуатацию. Вот распродамся, а будущей весной и перебираться буду. Если все нормально здесь сложится.

– Не переживай. Тебе у нас понравится.

– Угу. Понравится. Я гляжу, у вас тут процент российских машин не так уж и высок, – всматриваясь в поток транспорта, возразил Петр.

– Брось. Уж никак не ниже, чем в Ессентуках. А потом, нет предела совершенству. Постепенно разберешься и с иностранцами. Не боги горшки обжигали. Как говорил один кузнец из фильма «Формула любви»: то, что один человек собрал, другой завсегда разобрать сможет.

– Это точно, – рассмеявшись, согласился Пастухов.

Проехали центр и постепенно оказались в каком-то невзрачном районе частного сектора. Здесь местами не было даже асфальтового покрытия. А улицы... Ну село селом, что тут еще скажешь. Заросшие бурьяном пустыри и заборы. Зелень деревьев и кустов как посаженных, так и дикорастущих. А главное, избы. На Кавказе как-то все больше саманные хатки и кирпичные дома, поэтому Петру ни разу в жизни не доводилось видеть настоящих изб. Надо же, а Сергей, оказывается, живет как раз в такой.

Слегка покосившийся деревянный забор, поросший травой. Через него свисает яблоня с пока еще зелеными яблоками. Но урожай обещает быть знатным. Двор немощеный. Просто порос травой, разве что здесь ее вроде как все же выкашивают. Только две голые полоски земли, от колес машины. Да дорожка из красного кирпича с пробившейся на стыках растительностью, ведущая к крыльцу. Навеса нет, так что машина живет под открытым небом.

Еще одна красная дорожка уходит за дом. Там видны огород и хозпостройки, явно не используемые новым хозяином. А еще баня и нужник. Вот они-то как раз пользуются популярностью, потому как к ним путь и ведет. Судя по более обильной траве, дорожкой пользуются не так часто, как ведущей к крыльцу дома.

Ну и наконец самая настоящая изба, где, собственно, и проживает заслуженный физик России. Шутка. Пока только кандидат в доктора наук. Но если вспомнить, откуда Сергей брал старт, то сразу же проникаешься к нему уважением.

– Удобства, я так понимаю, на улице. А горячая вода-то есть?

– Слушай, вот зря ты подначиваешь. И газ есть, и горячая вода, и удобства с ванной. И паровое отопление в наличии. Я печь разобрал, теперь места много, целых три комнаты. Ты не смотри, что снаружи изба избой. Внутри все как надо.

– А нужник на улице зачем?

– Так ведь в бане без пива сидеть не получается. Куда-то бегать надо. Не там же гадить.

– Логично.

– Ладно, чего стоишь? Заходи во двор. Я пока загоню машину, – открывая ворота, пригласил Сергей.

– А почему ты в частный сектор забрался? Тебе, холостяку, квартира куда больше подошла бы.

– Не подходит мне квартира. Мне простор нужен. Ну и вообще. Потом все расскажу. Опять же, институт – вон он, минут пятнадцать прогулочным шагом.

В доме и впрямь оказалось очень даже прилично. Не евроремонт, но все же. Есть и санузел, и кухня, и навесной двухконтурный котел, который и дом отапливает, и горячей водой хозяина обеспечивает. Три комнаты. Гостиная, спальня и рабочий кабинет.

Отдыхает Серега на двуспальной кровати. И зачем она, спрашивается, холостяку? Шутка, конечно. Интересно, кого он сюда водит, просто знакомых или двоечниц? Впрочем, без разницы. Главное, что устроился с комфортом.

В гостиной мебели по минимуму, диван, кресла, журнальный столик и плазма в углу. На стенах несколько картин с этюдами, над диваном висят две шашки и пара кавказских кинжалов. Пусть и детдомовский, а корни свои не забывает и даже подчеркивает, откуда такой красавец прибыл. Даром, что ли, вот уже пять лет каждый год приезжает. Вот как встал на ноги, так и катается.

Кабинет вообще заставлен всякой всячиной. На большом рабочем столе мощный компьютер, пара ноутбуков, и тоже неслабые. А еще бумаги с какими-то записями, распечатки, чертежи. Интересно, зачем ему все это в век электроники? Сейчас даже чертить ничего не надо, все можно делать с помощью компьютера и с куда большей точностью.

Ну а вот это вообще анахронизм какой-то. И сомнительно, чтобы досталось от прежних хозяев. Никто в здравом уме не станет занимать всю стену комнаты банальной школьной доской. Вот и полочка с мелками понизу идет, и губка в наличии. А еще под доской на полу эдакая полоска просыпавшегося мела.

– Серега, тебе доска-то зачем? – все же не выдержал Петр, окликнув друга, гремевшего посудой на кухне.

– Чтобы работать, – появившись в дверях, ответил он.

– А почему именно такая? Ну устроил бы пластиковую и пользовался бы маркерами. И чисто, и удобно.

– Знаю, – как-то глупо улыбнувшись, ответил Сергей. – Но веришь, нет, вот как со школы пошло, что мне комфортнее думается у доски с мелом в руке, так и... Считай это моим бзиком.

– Понятно. Раб привычки. А это что за конструкцию ты слепил?

Петр ткнул в странного вида раму, занявшую всю противоположную от входа стену. Провода, катушки, трансформатор, стабилизатор, еще бог весть знает что. И ко всему этому подходит весьма солидный силовой кабель. Петр припомнил, что видел на входе трехфазный счетчик. У него у самого в мастерской стоял подобный, поэтому опознал на раз.

– А это, Петр, и есть моя работа. Ну в смысле не то что работа, а...

– Да понял я. И над чем трудишься?

– Если коротко, то это будет пространственный пробой.

– То есть? В параллельные миры?

– Петя, ты бы поменьше читал фантастики. Нет никакого, даже косвенного подтверждения, что эти миры существуют. Одна голая теория. У меня все проще. Ну вот представь себе, ты идешь по дорожке, проходишь арку, и перед тобой зал, в котором имеется надпись «Выход в город, Москва». А по периметру еще несколько арок, «Минводы», «Киев», «Астана», «Нью-Йорк» и так далее. Или вообще, поднялся на десяток ступеней вверх и оказался на орбите Земли. Ты хоть представляешь себе перспективы?

– Ни хрена себе «проще», – покачал головой Петр. – И это я должен поменьше читать фантастики. А ничего, что ты тут решил построить телепорт?

– Не телепорт, а пространственный пробой. Телепорт подразумевает расщепление объекта на атомы и переброску его на определенное расстояние. Что является просто невероятной задачей. А я собираюсь просто пробить пространство на это же самое расстояние и перемещаться в образовавшемся своеобразном тоннеле целиком.

– А-а-а, ну если так, то оно конечно. Это куда легче, – со значением покачав головой и поджав губы, произнес Петр.

– Да ну тебя. Пошли на кухню. Сейчас буду кормить тебя сибирскими пельменями.

– А банькой попотчевать слабо, Кулибин?

– Кулибин был механик-изобретатель, а я физик. Разницу ощути.

– Уже ощутил. Так, а с банькой-то что?

– Не вопрос. Вот прямо сейчас и затоплю. Я сегодня полностью в твоём распоряжении. Но только... Петр, завтра ты в свободном плавании. Извини – дела. Я тебе доверенность выпишу, так что ты меня только на работу и с работы, а дальше колеса под тобой.

– А не боишься?

– Чего? Сам сломаешь, сам и починишь. Автослесарь ты или где? Ладно, я пошел, там уже вода закипела...

Красноярск понравился Петру. Чистые улицы с вполне нормальными дорогами, что в России является чуть ли не первым показателем хорошего уровня, и обильной зеленью. Нет, недостатки, конечно, просматривались, но в общем впечатления были сугубо положительные. Правда, встречались и районы, подобные тому, где проживал Васютин. Но Петру по большому счету там делать было нечего, и он придерживался центральных улиц.

В праздном ничегонеделании и шатании по городу прошла неделя. Петр выезжал со двора с утра, завозил Сергея в университет и отправлялся по своим делам. Бродил по городу, знакомился с достопримечательностями. Даже прокатился на прогулочном катере по Енисею, выделив на эту прогулку весь день. Понравилось. Решил попробовать тур на несколько дней. Места здесь были превосходные. Леса, горные кряжи, скалистые утесы, нависающие над могучей рекой. И все это недалеко от города.

Вечерами Петр забирал Сергея из университета и привозил домой. Намекнул было ему насчет молоденьких студенток, но был не понят. Мало того, после баньки в первый день они практически и не общались. Васютин вообще был погружен в себя и говорил односложными фразами. А приезжая домой, тут же уединялся в своем кабинете.

Практически каждую ночь он засиживался едва ли не до утра, делая какие-то расчеты, расхаживая возле доски, перемазанный в мелу, как какой-то недотепа. И при этом практически ничего не замечал вокруг. Ну прямо одержимый. Иначе и не скажешь.

Наконец настал день, когда Сергей решительно устроился за рулем «тойоты» и, усадив рядом с собой Петра, отправился за покупками. Они объехали несколько магазинов и баз электротоваров, закупаая различные электроприборы, в назначение которых Петр не собирался вдаваться. Он мог разобраться с электропроводкой в доме, и этого ему было вполне достаточно. Для всего остального есть специалисты.

Потом он помогал Сергею колдовать над его рамой. Кстати, они собрали точно такую же в сарае. Васютин собирался свернуть пространство между ними. Пришлось помучиться, несколько дней калибруя обе установки. Сергей даже взял отгулы в университете, а Петру пришлось отложить тур по Енисею. Он и сам не понял, в какой момент им овладела одержимость друга. В смысле он увлекся этим настолько, что ему было абсолютно не скучно целыми днями торчать с паяльником в руках.

Понял он, и отчего основной рацион Васютина состоял из пельменей. Это было проще всего. Отварил, выпил бульончика, заел пельмешками, и снова в бой. Полноценное питание получается. Ну, практически. Зато никаких хлопот.

– И что, эта штука сработает? – с сомнением и в то же время с надеждой поинтересовался Пастухов, глядя на собранную ими конструкцию.

– Петь, даже если не сработает, это будет шаг вперед. В настоящий момент я уверен в том, что у меня получится.

– А может, стоило бы сначала собрать небольшую модель? Ну чтобы так не тратиться, – припомнив, во сколько Сергею обошлись материалы для установки, спросил Петр.

– Вот это и есть небольшая модель. Как сделать ее еще меньше, я просто не представляю.

– Ясно. А ты всегда так нерешителен перед началом испытаний?

– Перед началом опыта, Петя. Опыта. Испытывают то, что хоть как-то работает. А в нашем случае мы только ставим опыт.

– Ага. Ясно. Так ты будешь ставить опыт или как?

– Б-боюсь, – пожав плечами, вдруг выдал Васютин.

– Это передо мной обделаться, что ли? Так я с не меньшим энтузиазмом тут четыре дня разве что не на карачках ползал. И заметь, поверил в тебя.

– Вот именно, что поверил.

– Брось. Как там, через тернии – к звездам? Вот и давай, полезай в эти колючки. Врубай, Серега, гадом буду, ни одного смешка от меня ты не услышишь.

– Ну, с богом.

– Ты же неверующий.

– Петр.

– Все, молчу.

Сергей включил рубильник, подавая энергию одновременно на оба контура, как в сарае, так и на стене дома. Загудел трансформатор. Щелкнул стабилизатор, выравнивая напряжение до нужной величины. Петр буквально почувствовал, как у него зашевелились волосы на теле и на голове. Ерунда, конечно. Тут просто не могло быть такого напряжения, чтобы вызвать столь мощное электромагнитное поле. Это все нервы, и не более...

Последнее, что он помнил явственно, – это поплывшая стена дома в пределах контура. А потом... Жуткий вой, словно их захватил ураган огромной силы. Петра сорвало с места, перед глазами началась невероятная свистопляска. Окружающее его пространство завертелось в головокружительном калейдоскопе и на огромной скорости. А потом Петра

приложило обо что-то головой, и он потерял сознание.

Глава 2

Попаданец от слова «попал»

В себя Петр пришел от тугих струй воды, бивших ему в лицо. А еще от невероятного шума деревьев и раскатов грома буквально над головой. Петр сначала открыл глаза, но тут же поспешил их закрыть из-за потоков воды. Перевернулся на живот и наконец поднялся на ноги. В памяти тут же всплыло, что во время грозы нужно держаться подальше от деревьев и возвышенностей.

Однако промелькнувшая мысль вовсе не стала руководством к действию. Потому что именно в этот момент его взгляд выхватил Сергея, лежавшего под деревом, буквально в трех шагах. И то, как была повернута его голова, Петра откровенно испугало.

– Серега... Серега, ты чего?

Он опустил перед другом на колени и, помня о том, что при переломе позвоночника следует быть предельно аккуратным, не стал его тормошить. До этого ему не доводилось видеть трупы. Вот так вот у него сложилось. В том, что сможет убить Вадика, ничуть не сомневался, передав эту уверенность и всем окружающим. Сам же ни разу не бывал на похоронах.

Вот только в том, что он сейчас смотрит на мертвого друга, Петр ни капли не сомневался. Потому что глядел в его открытые остекленевшие глаза. В глаза, в которых не было ничего живого. И все же он надеялся, что тот сейчас встрепенется и скажет, что все в порядке.

Петр приложил пальцы к сонной артерии. Ничего. Заполотно схватил запястье, нащупывая пульс. Кусая губы, приложил руку к груди. Потом разорвал рубаху Сергея и приложил ухо. Тихо. И... Васютин такой теплый, податливый, словно живой, он просто спит. Пастухов пытался обнаружить в друге признаки жизни, пока не закончилась гроза и из-за проскользнувших по небу туч не выскользнуло нестерпимо яркое летнее солнце.

Наконец, совладав с собой, он утер мокрое лицо. Бог весть, может, вместе с дождевой водой он сейчас утирал и слезы. Петр и сам не знал, плакал ли он. Жесткий неподатливый ком – тот да, засел в горле, причиняя физическую боль. А слезы... Ну как тут почувствуешь. Они ведь недаром несут с собой облегчение. Если ты мокрый с головы до ног, то и не почувствуешь, что льешь слезы. Или никогда себе в этом не признаешься, если с детства знаешь одну простую истину: слезами горю не поможешь.

Петр осмотрелся по сторонам, пытаясь сообразить, что же с ними все же произошло. Открывшаяся взору картина говорила о том, что Васютин добился успеха. Его гибель явилась его же звездным часом. Он все же смог создать свой пространственный пробой.

Отчего такие мысли? А на что еще может указывать то обстоятельство, что друзья оказались неизвестно где, посреди леса? Тогда как совсем недавно находились в доме физика. Тело Сергея еще не успело остыть, значит, случилось все это недавно. Косвенным подтверждением служили и разбросанные вокруг предметы из кабинета Васютина.

Метрах в тридцати видны осколки монитора, разлетевшегося вдребезги от столкновения с высокой сосной. Чуть ближе и с минимальными повреждениями валяется принтер. Несколько листов бумаги запутались в ветвях и иголках деревьев. Системный блок в весьма плачевном состоянии. Его словно бритвой разрезали на две неравные части. Меньшая из них

оказалась здесь, а большая осталась с той стороны портала.

Ничего удивительного в том, что Сергей в чем-то ошибся. Контур должен был сработать на другой контур в сарае, но вместо этого сфокусировался на какую-то другую, более дальнюю точку. Причем расположенную на внушительном расстоянии, потому что ни о какой грозе в сводках погоды не было и слова, наоборот, всю неделю обещали солнечную погоду. А вот тут оказалась гроза, низкое давление, и как результат – их сюда попросту засосало.

Скорее всего в тот момент, когда снесло системный блок и вырвало провод питания, контуром управлять стало некому, и портал схлопнулся. Отсюда и бритвенный срез как на корпусе, так и на внутренних потрохах системника, не успевшего проскочить через портал.

Н-да-а. Все же правы были те фантасты, что указывали на неизменную разность давления по обе стороны портала и на необходимость эту разность как-то компенсировать. Интересно, если бы дверь была закрыта, произошло бы то же самое? Хм. Скорее да, чем нет. Сомнительно, чтобы комнатная дверь или остекление окон могли противостоять тому урагану, что поднялся в кабинете.

Остается непонятным, отчего это не учел Сергей и сам Петр, прочитавший десятки книжек про разного рода попаданцев, путешественников между мирами и про использование самых разнообразных порталов. Графоманы? Ну да. Доморощенные фантасты и пупы земли. Но ведь рациональные идеи, имеющие право на жизнь, вовсе не редкость на страницах этих книжек.

Да все просто. Друзья и помыслить не могли, что подобное вообще возможно. Это же был первый опыт Васютина. Первый! И потом, их цель была в трех метрах, в сарае напротив дома.

Эх Серега, Серега, гениальная башка. Что же ты наделал-то.

Ну и как теперь быть? В смысле – с телом Васютина. Его же нужно властям представить. Следствие, все дела, да и похоронить по-людски надо. Хм. А вот интересно, власти-то эти будут российские? Ну и что с того, что лес стоит очень даже родной, насколько успел рассмотреть Петр. Он, конечно, за границей не бывал, но читал, что в той же Канаде и на Аляске вроде как все очень даже схоже с Сибирью. Да и «Гугл» это подтверждает, тот, который «Планета Земля». Во всяком случае, на снимках много общего.

А что такого? Кто его знает, на какое расстояние пробил пространство Васютин в своем эксперименте. Или в опыте. Да какой, к ляду, опыт, когда такой результат, да еще и с первого раза. Вот так, считай, наугад ткнул пальцем и попал. Н-да. Еще как попал.

Осмотреться бы. Петр повел взглядом вокруг, пытаясь сориентироваться на местности. Ему бы сейчас какую-нибудь скалу, холм или гору повыше. Подъем вроде как в западную сторону, да больно уж пологий, кто его знает, куда выведет. Над деревьями бы подняться.

Ага. А вот и то, что нужно. Лес тут смешанный, лиственные преобладают, но заметны и сосны. Только на них поди еще заберись, потому что на десяток метров от земли нет ни одной веточки. А те деревья, где ветки есть, невысокие и для обзора местности не годятся. Другое дело ель. У нее лапы от самой земли и до макушки. Только бы не забыть, что дерево это достаточно ломкое, а в Петре хотя и нет жира, но весу под девянсто кило.

Впрочем, волновался он напрасно. На высоту добрых метров двадцать от земли он поднялся без труда. Этого было достаточно, чтобы оказаться над зеленым ковром крон деревьев, сбегаящих вниз со склона холма. Подниматься выше не имело смысла. Увиденное вполне ответило на все его вопросы. Почти на все. Вернее, на часть. На некоторые. Хм.

Вообще-то только на один. Где он находится?

А находился Петр в Красноярске. Во всяком случае, на это указывали река и видимые на ней острова. Их конфигурация мало изменилась, хотя и отличалась от той, которую он видел. Сам город усох раз эдак... Хорошо усох, чего уж там. Конкретно.

Вон железная дорога, мост. До них больше двух километров. А вон и поезд. Здравствуй, попа, Новый год. Вагоны вроде как знакомые, хотя с такого расстояния особо и не рассмотришь. Но зато отчетливо видно, что состав из полутора десятков вагонов тянет паровоз. Откуда такая уверенность? А догадайтесь.

Видна железнодорожная станция, на которой стоит другой состав, в голове поыхивает паровоз. Стоит во встречном направлении к составу, уже втягивающемуся на мост. Либо у них тут одна нитка и на станции они разъезжаются, либо у того остановка согласно графику движения. На запасных путях маневровый паровоз толкает несколько вагонов.

Напротив станции жилой массив частного сектора. Кварталы застроены несимметричной буквой «П», ближняя к Петру палка и перекладина уже и короче той, что располагается со стороны станции. Между ними пустырь, поросший кустами и деревьями.

Слева, чуть выше и дальше от реки, еще один жилой массив. Но там несколько кварталов образуют практически правильный прямоугольник.

Дальше на восток – собственно город. Так называемый исторический центр. В смысле Петр знал его как исторический центр. А здесь и сейчас это просто город. Эти же два отдельных поселка, наверное, слободки. Ну, это если он в прошлом и здесь Россия. А то мало ли как оно все обернется.

За северо-восточной окраиной есть еще один поселок. Но там ничего не рассмотришь. Только угадываются несколько домишек, остальное скрывается за деревьями. Зато видна церковь. До нее километров шесть. Это от того места, где Петр сейчас сидит.

Вообще город в длину растянулся по левому берегу километров на шесть, в ширину не более двух. Не такой уж и большой. Да его родные Ессентуки куда больше будут. А учитывая то, что в них населения восемьдесят тысяч, здесь хорошо если тридцать наберется.

Итак, Васютин создал не пространственный пробой, а банальную машину времени. Ну или открыл проход в параллельный мир. То есть туда, в существование чего не верил и что отрицал напрочь. А вот Петру, чем бы это место не оказалось, придется связать себя с ним раз и надолго.

Н-да. На всю оставшуюся жизнь, и тут без вариантов. Пусть часть системного блока осталась там, в прошлом, или в его мире, другая часть с тремя четвертями жесткого диска, находится здесь. Все бумажные записи засосало сюда же. Возможно, Васютин и вел какие-то резервные записи. Но... Угу. Попаданец – это от слова «попал». Конкретно. Исходить нужно из худшего варианта.

Петру было страшно и горько как никогда. Он оказался неизвестно где и потерял самого близкого для себя человека. И пусть Сергей был старше его и в детдоме они практически не общались, это ничего не значило. В какой-то момент они сблизились, и это оставалось с ними до сегодняшнего дня.

Но это только одна сторона медали. Потому что вместе со страхом и горечью Петра с головой захватила перспектива влезть в шкуру попаданца, о которых он прочитал столько книжек. Да что там влезть, он уже в ней. Перед ним незнакомый мир и огромные перспективы. Ну, коль скоро здесь бегают паровозы, а по рекам ходят пароходы (заметил он такой, уже когда начал спускаться с ели), то получается, что Пастухов – из более развитого

мира. Нет, он, конечно, не семи пядей во лбу. Но все же кое-что преподнести аборигенам сможет.

Петра буквально колотило от желания как можно быстрее спуститься в город, пройтись по улицам, посмотреть, что к чему. Услышать и увидеть людей из седой старины. А судя по всему, их отделяет друг от друга лет сто, если не больше.

Когда запустили Транссибирскую магистраль? Вроде в девятьсот пятом уже была. Но ведь это может быть и не она, или ее еще не закончили. Нитка-то, похоже, одна. А пока шла русско-японская война, запустили вторую нитку. Петр не особо интересовался обычной историей, но читал книжки на тему альтернативной истории. А там хочешь не хочешь, а глянешь, как оно было на самом деле. Другое дело, что с этим инетом мало что задерживается в голове.

В любом случае Петру хотелось как можно быстрее покинуть это место и окунуться в новую для него реальность. Аж зуд какой-то появился, по позвоночнику то и дело пробегали мурашки, под ложечкой возникал холодок, а руки тряслись самым натуральным образом.

Вот только просто так уйти он не мог. Взгляд на труп друга вернул Петра к действительности. Нетерпение, ожидание чего-то нового и неизведанного – это все понятно. Просто начинается все как-то не очень. И вновь в горле встал ком, который никак не удавалось проглотить.

Вырыть глубокую могилу с помощью железяки, оторванной от останков системника, не получилось. Грунт оказался достаточно каменистым, и уже через какие-то полметра пробиться сквозь него с куском гнущейся жестянки было нереально. Пришлось закапывать так. Зато вокруг в изобилии имелись камни, ими и закидал холмик. Над которым установил крест, скрутив его с помощью проводов из двух палок. Серега, он, конечно, был неверующий. Но это его трудности. А Петр не установить над могилой крест не мог.

Когда закончил, решил все же обойти кругом. Вспомнил о том, что у Сергея была пара ноутбуков. Их также должно было засосать сюда. Поиски оказались удачными. Ноутбуки Петр нашел, ориентируясь по останкам монитора. Вот только оба они оказались разбиты. Может, человек знающий и мог бы из пары собрать один. Но это точно не про Петра. Сохранить для грядущих поколений?

Петр попросту выбросил ноутбуки в ручей. Он не фетишист цепляться за прошлое из последних сил. Нет, со своим миром он еще окончательно не порвал. Но все изменилось, когда обнаружили оба ноутбука. Пока была надежда, что хотя бы один из них остался в доме Сергея, была надежда и на то, что там окажутся резервные записи. А так... Ну, Серега еще мог вести дублирующие записи, но не повторять же их по третьему и четвертому кругу. Это уже вообще на паранойю смахивает. А он параноиком ни разу не был.

Так что все носители – здесь. А потому и связь с прошлым потеряна безвозвратно. Перед Пастуховым новый мир и новая жизнь. Отчего-то подумалось о том, что вот теперь Пяльцыным его нипочем не достать, даже если для них это станет идеей фикс.

Взглянул сквозь деревья на солнце. Дело к вечеру. Летом темнеет поздно, но все же. И желудок заурчал. Нет, это еще не голод. Просто поработал физически, растратил калории, вот он и сигнализирует, чтобы о нем не забывали.

Н-да. Тут без вариантов, нужно двигать в город. Как там у Петра с легализацией будет, непонятно, но и в лесу оставаться – глупее не придумаешь. На нем из одежды – светлые брюки, которые успели изрядно изгваздаться, светлая же рубашка да тапочки с задниками. В кармане нет даже клятой зажигалки, потому что курить Петр бросил ровно одиннадцать

лет назад. Вот так он круто повернул свою жизнь в день, когда ему стукнуло четырнадцать. И вообще, выжить на подножном корму – это не про него. Нет у него подобной практики. Да и время такое, что еще ничего не созрело. Если здесь оно совпадет с тем, откуда он прибыл, то сейчас только середина июня.

Словом, нужно выходить к людям. Если, разумеется, там люди. Н-да. Нет, ну это его уже куда-то не туда понесло. Люди, конечно. Причем не татары какие и не китайцы, а русские. Оно, понятно, далеко, и у Петра нет бинокля, но православные храмы легко узнаваемы даже на расстоянии нескольких километров.

Вот только привести бы себя в порядок. По-хорошему ему сейчас хотя бы кусок хозяйственного мыла. Впрочем, можно и просто простирнуть в чистой воде. Как говорится, на безрыбье и рак – рыба. А то как самое натуральное чучело.

Чистый ручей с песчаным дном нашелся относительно неподалеку. С помощью все того же песочка Петр постирал свое одеяние. Получилось откровенно плохо. Брюки, рубашка и тапочки-сеточка из бежевых превратились в серые. Причем невооруженным глазом заметно, что они просят стирки. Но, с другой стороны, все познается в сравнении. В отличие от того, что было до стирки в ручье, одежда явно стала куда приличнее.

До окраины города было недалеко, поэтому Петр спустился довольно быстро. Всего-то с километр по изрядно прореженному лесу, под горку. Наверняка весь сушняк перекочевал в печи местных жителей. И не только сушняк, время от времени на пути встречались и пни от спиленных деревьев. Кстати сказать, деревья вокруг стояли вполне себе годные для строительства. Так что стройматериалом разживались здесь же.

С выходом на опушку в полукилометре от себя Петр увидел плетни огородов и дома. Остановился, присмотрелся. Вон оно, начало улицы. Наезженная колея между домами обрывается, упираясь в поросший густой травой выгон. Трава не такая и высокая. А вот и живые газонокосилки пасутся, местные коровки. Рано их пока загонять, вот они и нагуливают молочко под присмотром ребятни. Хотя те скорее все больше резвятся. Ну да дети, как иначе-то.

Петр остановился в нерешительности. Кто его знает, как себя нужно вести с аборигенами. Он ведь ни местных реалий, ни обычаев не знает. То, что незнакомый человек появился, это не беда. Пусть население города не больше тридцати тысяч, даже здесь можно остаться неприметным. Не все же тут знают друг друга. Ведь это не деревня на два десятка дворов. А вот если Петр сделает то, чего делать ну никак нельзя, тогда дело другое.

Начинать с каталажки, имея все шансы ею же и закончить, у него желания не было. Кто их знает, местные власти. Тут наверняка о правах человека и слыхом не слыхивали. А уж у человека без родины и флага этих прав и вовсе нет. Это к тому, что неплохо бы какие-никакие документы выправить. Словом, вживаться надо. Ну а раз так, то...

Петр глубоко вздохнул и решительно зашагал в сторону начинающейся улицы. Пока шел мимо бревенчатых изб и глухих деревянных заборов, ловил на себе взгляды редких прохожих и обитателей домов, высывающихся из окон. Но взгляды только и того, что любопытные. Никакой вражды или крайнего удивления. Просто незнакомец, а тут все друг друга знают.

Успевшая уже подсохнуть легкая ткань рубашки вновь намочила от пота. И дело тут было вовсе не в жарком солнышке. Тем более что, склоняясь к закату, оно уже и не так припекает. Просто Петром овладело банальное волнение, что вполне объяснимо. Оказаться одному неизвестно где и с непонятными перспективами. А главное, он не знал, как себя вести и что вообще делать.

Прошел насквозь, как потом узнал, Николаевскую слободу и вышел к железнодорожным мастерским. Далее справа, судя по перрону, вокзал. Н-да-а. Ничего общего с той картиной, что Петр наблюдал в современном ему Красноярске. Здание одноэтажное, минимум в два раза короче знакомого ему по тому времени. Словом, если старое здание вокзала и использовали в современности, то перестроили и дополнили его конкретно. Ну, это если он оказался в прошлом. Хотя... Пока все, что Петр видел, указывало именно на это.

Местечко оказалось весьма неприглядным. Штабеля шпал и дров у запасных путей. Причем дров особенно много, поленицы чуть ли не на каждом шагу. Не иначе как паровозы на этом участке пользуют все больше дровишками. Ну да, тайга, дров тут много. Дальше слева, за мастерскими, водокачка с подходящим туда полотном дороги. А дровами, похоже, грузятся сразу возле штабелей.

Как только Петр подошел к железнодорожному полотну, тут же дохнуло чем-то давно знакомым. Ну да, так и есть. Железной дорогой и дохнуло. Креозотом, словом говоря. Пока бедокурил мальцом и на поездах покатался, в том числе на товарных, и по вокзалам побегал, и в вагонах в отстойниках ночевал. Так что с железкой Петр знаком не понаслышке.

Посмотрел в сторону вокзала. Возле входа в здание стояли двое городских и вели неспешную беседу. Судя по пустому перрону, поезд в ближайшее время не ожидается и у городских наметилась свободная минутка. Хм. Ну или час-другой. В сторону Петра не смотрят. Ничего удивительного, в общем-то. Мало ли тут народу бродит. Не видеть же в каждом правонарушителя.

Обойдя стороной мастерские, Петр прошел мимо водокачки и, миновав полосу отчуждения железной дороги, оказался на Воскресенской улице. Здесь дома резко отличались от домов в Николаевской слободе. Хотя бы потому, что их стало куда как меньше. Избы, конечно, деревянные, но большие, из тесаных балок, по пять-шесть окон по фасаду. Высокие деревянные ворота полностью закрывают двор. Крыши в основном крыты тесом, но примерно треть покрыто кровельным железом, выкрашенным коричневой краской. Скорее всего чтобы меньше были заметны ржавые потеки.

Что удивляло, так это простор улицы. Казалось бы, старина глубокая, а строятся с размахом. К примеру, в родном городе Петра центральная улица города гораздо уже, ни проехать ни пройти. А тут просто раздолье. Иное дело, что покрытия у дороги никакого, в распутицу или в дождь грязь тут будет непролазная. Вон ливень прошел, и тут же солнышко появилось, а на проезжей части уже видны колеи от различных повозок.

Хорошо хоть вдоль домов проложены дощатые тротуары. Деревянные тротуары, и стоит оно копейки. Вот если камнем мостить улицы или хотя бы те же тротуары, это было бы накладно. Впрочем, Петру все равно. Главное, что не приходится месить грязь ногами. Удовольствие-то ниже среднего.

А это еще что? Точно. Автомобиль. В смысле что-то, похожее на автобус. Да кой черт похожее, автобус и есть. Только Петр таких никогда не видел. Впрочем, это ни о чем не говорит. Мало ли чего он не видел. И все же эта картина его впечатлила донельзя. Дело в том, что он слышал знакомое по фильмам пыхтение паровоза.

Железная дорога осталась позади. Опять же, из-за мастерских Петр частично видит вокзал, и никаких поездов там нет. Что в целом и неудивительно, учитывая то, что он совсем недавно наблюдал, как разъехались сразу два состава. Ну не бегают же они тут через каждый час. Хотя есть еще и товарные составы, и маневровые паровозы. Но опять же, Петр ничего подобного не замечает.

Все это пронеслось в его голове буквально за пару секунд, а с третьей он уже во все глаза смотрел на приближающийся автомобиль. Или все же паромобиль? Потому что энергичное «чух-чух-чух» исходило именно от него. А из выхлопной трубы, – что примечательно, расположенной сзади, – вырывался пар, тут же рассеивающийся в воздухе. Трубы и валившего из нее столба дыма Петр не увидел. Но ведь могли использовать и качественное топливо, тот же бензин, подаваемый под давлением через форсунки.

Окутавшись облаками пара, автобус с мордой и капотом в стиле начала двадцатого века, с невероятно большими, словно прожекторы, фарами остановился возле деревянного навеса. Под ним стояли мужчина и женщина явно не простого сословия. Дверь открылась, и мужчина, вскочив на подножку, подал руку даме, помогая ей войти в салон. Разумеется, женщину полагается пропустить вперед, но реалии диктуют свои правила.

Дверь закрылась, и паромобиль с характерным «чух-чух-чух» двинулся с места. Потом как ни в чем не бывало проследовал мимо обалдело наблюдающего за происходящим Петром, обдав его волной быстро истаявшего пара. Ну чисто стимпанк какой-то. Правда, удивление не помешало Пастухову прочитать табличку на лобовом стекле, продублированную сбоку, рядом с дверью. «Маршрут № 1». То есть имеется еще как минимум второй маршрут.

Ладно. Пробелами в образовании его не удивить. Мало ли какие существовали автомобили. Когда учился в техникуме, вообще слышал, что в СССР разрабатывался паровой грузовик^[1]. Как раз для этих самых мест, богатых лесом и лесозаготовительными хозяйствами, по заказу которых и велась разработка. Но что-то там не срослось.

Автобус, проследовав мимо Петра, повернул налево, в сторону вокзала. Проводив его взглядом, парень дошел до остановки и осмотрел ее чисто из интереса. Фанерная табличка, на которой черным по желтому написаны номер маршрута, название остановки и расписание движения автобусов. К слову заметить, они тут ходили с шести утра и до двадцати двух ноль-ноль, через каждые полчаса.

Глянул на противоположную сторону улицы и заметил чуть дальше такой же навес. Не поленился, дошел и до него. За каким лядом? Так ведь нужно же с чего-то начинать собирать информацию. Ну и чем не подходит изучение остановки? Это, между прочим, самое безопасное, потому что не требует общения с людьми.

Ага. Вот и второй маршрут. Они, наверное, кольцевые, по встречным направлениям. Ну что ж, вполне разумно. А еще говорит о том, что автотранспорта тут все же не так много. Впрочем, об этом же говорит и наличие извозчиков. Будь иначе, им бы ни за что не выдержать конкуренцию с машинами.

Уже через два квартала стали появляться вывески лавок и магазинов. И народу значительно прибавилось. До Петра стали доноситься обрывки разговоров. Проходя мимо скобяной лавки, он стал свидетелем того, как лавочник расхваливал свой товар перед женщиной средних лет, судя по всему, из интеллигенции. Петр даже остановился ненадолго, чтобы лучше расслышать их беседу.

Ничего особенного. Хотя есть словечки, которые в его время уже вышли из употребления. Нужно бы и ему попридержать некоторые выражения, несвойственные этому времени. Но в целом... Петр даже уловил характерный красноярский говор. Так что никаких сложностей с языком не будет. Он откровенно этого боялся. А тут достаточно поначалу меньше болтать и больше слушать, чтобы правильно строить свою речь.

А еще нужно бы побольше читать. Что угодно. И освоить грамматику. А все этот клятый алфавит с лишними буквами. Оно, конечно, можно и за безграмотного сойти. Но... Ладно.

С грамматикой – как получится. А вот почитать и привыкнуть к местному печатному и прописному слову не помешает.

Наконец на парня обратили внимание как покупательница, так и продавец, и Петр поспешил удалиться. Так сказать, от греха подальше. Все же в глазах этих людей он сейчас выглядел босяк босяком. Глядишь, еще и полицию вызовут. И тут дело даже не только и не столько в том, что на нем плохо выстиранная и мятая одежда. Вся соль, как ему казалось, именно в самой одежде непривычного кроя.

Несмотря на летнюю пору, большинство мужчин были в пиджаках или жилетах. Если и нет, то одеты в толстовки или гимнастерки, причем обязательно подпоясанные. А еще на всех без исключения головные уборы. Народ попроще щеголял в картузах, посостоятельнее – в котелках. Ноги обуты либо в туфли, либо в сапоги. Облик же Петра явственно выбивался из общего антуража.

Еще пара кварталов, и Пастухов вышел на просто огромную площадь, утопающую в грязи и отсвечивающую в лучах заходящего солнца большими лужами. Повсюду следы повозок, лошадей и людей. Ну и запахи конского навоза и еще бог весть чего. Картина просто страшная, и идти через это месиво никакого желания.

Справа видны ряды длинных крытых столов. Никаких сомнений – это рынок. И если судить по творящемуся здесь безобразию, то вот на этой площади торгуют прямо с возов. Отсюда и конский навоз, и все остальные прелести. Потому что на улицах вроде как почище будет. Какая-то базарная площадь, получается.

Посредине площади возвышался большой белокаменный собор, выгороженный кованым забором. Петр даже залюбовался. В том Красноярске, что видел он, этого красавца не было. А что было? Да кто ж теперь скажет. Если бы он получше знал город, подольше в нем пожил бы, то помнил бы. А так... Но собора не было. Эдакую красу невозможно обделить вниманием. Тем более что он катался по центральным улицам несколько дней.

Не желая месить грязь, Петр решил обойти площадь слева. Туда вел дощатый тротуар, который вроде как опоясывал площадь по периметру. А вот прямо настил очень скоро обрывался. Как только заканчивались торговые ряды. Дальше вновь начиналась непролазная грязь. Как он потом узнал, там размещалась биржа ломовых извозчиков. То есть все те же гужевые повозки, лошади, продукты их жизнедеятельности, ну и мухи, чтоб их! На улице все еще достаточно светло, вот они и жужжат вокруг. Хорошо хоть до осени пока далеко, не то закусили бы, паразиты.

Благовещенская улица выходит на эту площадь с запада и образует ее северную сторону. В углу примостилось сразу несколько каменных зданий. Судя по каланче и множеству ворот, это местные огнеборцы. Угу. Вон при входе стоит мужик в гимнастерке с характерным шлемом на голове.

Рядом еще одно присутственное место. Петр невольно ускорил шаг, рассмотрев, что у ворот стоит скучающий городской. Трое других входят в здание, выпуская еще одного через высокую дверь. Полицейское управление, ни дна ему ни покрышки! Вот нет у Петра желания с ними ручаться. Впрочем, служивый не обратил на странного прохожего никакого внимания. Угу. Какое ему дело до какого-то босяка. Он поставлен на охрану входа в управу. Вот и ладушки.

Петр перевел дух, как только миновал управу, и прошел дальше по тротуару. Здесь дома были все больше двухэтажные и чуть не треть из них – каменные. В части домов первые этажи отведены под различные магазины, лавки, фотосалоны, питейные заведения и тому

подобное. Часть – целиком представляли собой торговые центры, где под лавки было отдано все здание.

Одно из них особенно бросалось в глаза. Кирпичное двухэтажное строение с крышей в виде соединенных трех куполов. Над входом – вывеска «Пассаж». Это также торговый центр. А что еще, если все завешено рекламой, зазывающей приобретать разнообразный товар?

Проходя мимо одного из кабаков, Петр заметил троих пьяных в дым мужиков, между которыми возник один извечный вопрос пьяниц всех народов. «Ты меня уважаешь?» Вот среди кого он не будет выглядеть белой вороной. Господи, и это дерьмо буквально в трех сотнях шагов от полицейской управы. Ага. А еще напротив собора. И это в то время, когда религия играет далеко не последнюю роль в жизни государства. Признаться, у Петра было несколько иное представление о местных нравах.

Как бы органично он ни вписался в общество забулдыг, ему все же с ними не по пути. И вообще, пришла пора подумать о том, что он будет жрать. Сейчас этот вопрос пока еще не стоит остро. Но уже к ночи, и уж тем более к утру, он встанет во всей злободневности. Настолько, что... Петр вообще когда был голоден, становился невероятно раздражительным.

Самое лучшее, что ему приходило на ум, – это найти питейное заведение с приличной публикой и слегка облегчить какому-нибудь бедолаге карманы. В конце концов, коль скоро он выйдет оттуда, значит, и гуляет не на последние. А у Петра нет вообще ничего. Оно, конечно, звучит как-то убогонько. Но это смотря для кого. Пастухов далеко не всегда был добропорядочным гражданином. По малолетке и откровенным разбоем пробавлялся. Слабое оправдание? А он и не собирается ни перед кем оправдываться. Для него это вопрос выживания, и плевать, насколько пафосно это звучит.

Ну надо же. Стоило только появиться преступным мыслям, как тут же показалась пара городских, идущих к нему навстречу. Они вот-вот должны были выйти на площадь, и Петр, стараясь не делать резких движений, повернул направо. Благо тут земля поросла травой и грязь месить не надо, да и капли дождя уж давно испарились.

Снова спустился до Воскресенской и повернул налево. Мимо пропыхтел автобус. На этот раз он двигался в обратном направлении. Угу. Второй маршрут, получается. Базарную грязь паромобиль преодолел без затруднений. Впрочем, чему тут удивляться при двух ведущих мостах. Петр только сейчас обратил на это внимание.

Метрах в двухстах на обочине стояла еще какая-то техника. И если он хоть что-то понимает, это были самые настоящие дорожный каток и бульдозер. Причем эти сильно походили на паровозы в миниатюре, неся высокие дымовые трубы. Правда, сейчас машины были не активны. Кроме того, на проезжей части видны кучи гравия, а за стоящей техникой виден укатанный грейдер. Это куда как лучше, чем раскисающая от малейшего дождя земля. Кюветы, конечно, есть, но они мало спасают. А вот гравийное покрытие – уже совсем иное дело.

Прошел мимо этого чуда инженерии. Не удержался, захотел глянуть поближе. Интересно ведь. Опять же, Петр автомеханик. Да и не слышал он о том, чтобы была вот такая техника^[2]. Ну точно, паровоз в миниатюре. Нет, он в паровозах не разбирался, но видел один на постаменте в Минводах.

Впрочем, рассмотреть детально ничего не удалось. Очень быстро в доме напротив распахнулось одно из окон, и в него выглянул грозно сдвинувший брови бородатый мужик:

– Тебе чего тут надо, босота?

– Да я только глянуть, – пожав плечами, ответил Петр как можно более миролюбиво.

– Нечего тут глазеть. Иди своей дорогой, – строго заключил мужик.

– Не шуми, дядя. Уже ушел.

А чего задирать мужика. Тот ведь не из желания нахамить ведет себя так. Во-первых, Петр и впрямь выглядел непрезентабельно. Во-вторых, мужика скорее всего попросили присмотреть за дорожной техникой за некое вознаграждение. Мало ли кто сюда полезет и что отвинтит. Паровая машина – это вообще серьезный агрегат, и если рванет котел, однозначно мало не покажется.

Ближе к перекрестку стояло сразу несколько двухэтажных кирпичных домов. Причем если у них на Кавказе старые дома были из желтого кирпича, здесь весь кирпич был сплошь красным. Кстати, ни одной кирпичной коробки Петр не увидел. Каждый дом выдержан в определенном стиле, но вместе с тем сугубо индивидуален. Красиво. Ему вообще нравилось гулять по старинным кварталам.

О! А вот и ломбард. Причем готов гостеприимно открыть свои двери перед любым посетителем. Петр отчего-то не сомневался, что и перед лихим народцем тоже. Просто сомнительно, чтобы владелец ломбарда был кристально честным человеком и не опускался до скупки краденого. Так просто не бывает.

Хотя... Может быть, именно этот скупкой не грешит. Ну хотя бы потому, что вывеска гласит «Городской ломбард». Не иначе как для чистой публики. В любом случае Петру там делать нечего.

Вот зря он с таким пренебрежением относился к понтам. Ведь предлагали же ему купить солидную золотую цепь в восемьдесят граммов. Понты понтами, зато сейчас ему было бы что заложить и получить хоть какую-то сумму. От запахов, разносившихся по улице, начал урчать живот. И на этот раз вполне себе небезосновательно.

Н-да. И часы Петр не любил носить. Вот странное дело. Эти клятые хронометры, хоть механические, хоть электронные, дорогие или дешевые, в его руках никогда не показывали точное время. У кого другого, хоть до него, хоть после, пожалуйста. У него, словно заговоренные, сразу сходили с ума. Потому он и не носил часов. Вообще. Ну разве только сотовый телефон. Как ни странно, но тот время показывал вполне исправно.

Вот и получается, что единственная его ценность – это серебряный крестик на простой бечевке. Но его он не продаст. Ни при каких раскладах. И дело тут вовсе не в том, что выручит за него сущие копейки, причем в прямом смысле этого слова. Просто торговать своим нательным крестом...

Петр крестился уже взрослым. Просто понятия не имел, крестила ли его непутевая мамаша. И в церковь пришел осознанно. Пусть он не знал молитв, пусть редко бывал в церкви... А по сути, только на Пасху. Это ничего не значило. Он верил. По-своему, но верил.

Чуть дальше, практически у перекрестка, здание с надписью «Ресторация Гадалова». Здесь, надо заметить, преобладают каменные строения, в поле зрения Петра оказалось только три деревянных дома. Причем вдоль домов проходят уже не деревянные, а мощные тротуары и укрепленные камнем сточные канавы. Подобная картина видна и дальше по широкой улице. Похоже, что это центр города.

Кстати, на обочине перед ресторацией вместе с парой пролетов стоят сразу два легковых автомобиля. Вполне приличные авто начала двадцатого века, на дурых колесах со спицами. Вот только... Они все время гудят или все же свистят. Очень похоже на кипящий чайник со свистком. А вон и пар вырывается, растворяясь в свежем вечернем воздухе. Получается, котлы держат под парами, выпускающими излишки через предохранительные

клапаны.

Вот такие пироги с котятами. Техники тут совсем немного. Но из шести единиц, попавшихся Петру на глаза, все на паровом ходу. Это уже диагноз, получается. Здесь что же, нет двигателей внутреннего сгорания?

Впрочем, пока это не суть важно. Главное сейчас в другом. Петр нашел место, где собирается чистая публика. Остается только дождаться темноты и совершить экспроприацию у какого-нибудь самоуверенного типа. Только бы он пошел пешком. Потому как если возьмет извозчика, гоп-стоп не получится. Петр не собирался никого убивать. И для большей уверенности в том, что ему удастся удержать ситуацию под контролем, нужен именно пешеход.

Определившись с местом предстоящей охоты, Петр пошел в обратном направлении. Напротив базарной площади он видел что-то, похожее на парк отдыха. Наличие кованой ограды подразумевало то, что парк на ночь закрывают. Но подобная преграда только для честных людей, к каковым он себя сейчас не относил. Зато, забравшись в какие-нибудь кусты, можно спокойно дождаться ночи, не рискуя всякий раз попасться в лапы городского. Вон он, кстати, прохаживается по тротуару...

До наступления темноты время пролетело незаметно. В том плане, что, устроившись в кустах, Петр растянулся на траве и банально уснул. Когда открыл глаза, никак не мог сообразить, где он вообще находится. А когда вспомнил, то, чертыхаясь, поспешил к намеченной цели. Ни по звездам, ни по луне определить время он не мог. Просто никогда этим не интересовался. Однако когда наконец добрался до ресторации, понял, что не все еще потеряно.

Напротив заведения теперь не было видно ни одного автомобиля. Зато присутствовали сразу три пролетки, рядом с которыми сбились в кучку извозчики. Видать, говорили о чем-то веселом, потому что в звуки, доносящиеся из ресторации, то и дело вплетались их смешки. Ну чисто таксисты на облюбованном пяточке из родных Ессентуков.

Посреди перекрестка возвышался фонарный столб с электрической лампочкой, освещающий пяточок радиусом метров пятнадцать. Это скорее иллюзия уличного освещения. Потому что до следующего фонарного столба метров двести, он стоит как раз на следующем перекрестке. Но здание, где расположена ресторация, имеет собственное освещение из пары фонарей, как и остальные каменные строения. Один или два фонаря наличествуют обязательно. Так что улица худо-бедно освещается.

Но только и того, что худо-бедно. Тут даже особо подворотни искать не надо. Петр пристроился за одним из выступов здания, полностью скрывшись в тени. Из-за контраста от света фонарей его здесь не рассмотреть, даже невзирая на его светлую одежду. Вот если бы не было фонарей, тогда дело другое. А так...

В засаде он простоял не меньше часа. За это время заведение покинули несколько человек, поодиночке и группами. Но они неизменно уезжали в пролетках. Которые с завидным постоянством возвращались. Наконец появился одиночка. Как раз случилось так, что свободных пролетов не оказалось. Вряд ли извозчики решили закончить работу. В таких местах и заведения, и извозчики работают до последнего клиента. Скорее всего очередные пассажиры извозчиков проживали слишком далеко, вот и не успели они обернуться.

Постояв несколько секунд в раздумье на крыльце, мужчина все же решил идти пешком и двинулся в сторону Петра. Н-да. Лучше бы все же посетитель ресторации обождал. Даже полчаса ничего не решают. Опять же, городской, маячивший на перекрестке под светом

фонаря, – довольно надежная защита. Но мужчина в форме чиновника, наверное, проживал неподалеку, вот и подумал, что до своей квартиры быстрее доберется пешком.

Когда чиновник прошел мимо, Петр решил было двинуться за ним, но вдруг заметил тень, скользнувшую за его жертвой с противоположной стороны улицы. Опа. Это что же получается, у него из-под носа хотят умыкнуть добычу? А вот шалишь, сволочь. Петр хищно улыбнулся и двинулся следом, стараясь остаться незамеченным.

В отличие от Петра, преследователь был куда более щуплого сложения, да и чиновнику он уступал. Так что никаких сомнений, прижимать жертву в темном углу не станет. Скорее всего приласкает по голове дубинкой. Вот тут-то Петр и вмешается. Глядишь, и у гопника что-то отыщется. Сомнительно, чтобы у него в карманах гулял ветер.

Вообще-то Петр никогда не думал, что он какой-то там Чингачкук. Тем не менее у него получилось держаться буквально в десятке шагов за спиной у щуплого. То ли тот слишком уж был сосредоточен на своей жертве, то ли все дело в том, что Пастухов был обут в тапочки с мягкой резиновой подошвой. Так или иначе, щуплый слежку не замечал. Как пребывал в неведении и объект нападения. Красться бандит явно умел, учитывая, что на ногах у него были сапоги. Хм. Ну, может, все дело в собаках, которые от скуки или по собачьему долгу своим брехом сопровождали прохожих, заглушая прочие звуки.

Вроде и темно, и до фонаря на перекрестке добрых метров пятьдесят, но Петр все же отчетливо уловил в руке налетчика тусклый стальной блеск. Никаких сомнений – это нож. Нет, понятно, что и Петр здесь не цветочки собирает. Но убивать из-за бумажника, пусть и с солидной суммой... Ну не тысячи же в карманах у этого чинуши.

Все трое уже сравнялись с дорожной техникой, когда Пастухов резко ускорился, намереваясь напасть на бандита. Но и тот начал быстро нагонять свою жертву. Снова блеск стали, и последние сомнения вылетели из головы Петра. С силой оттолкнувшись, он подпрыгнул и нанес удар ногой точно между лопаток щуплого. Того снесло так, словно его приложили тараном. Прокатившись кубарем, бандит остановился у ног резко обернувшегося и замершего в испуге чиновника.

– Тихо, господин хороший. Тихо. Все уже кончилось, так и не начавшись, – подходя и миролюбиво выставив перед собой руки, произнес Петр.

– Й-а-а... Что-о ту-ут...

– Тихо, говорю. А ты замри, падла.

Петр ударил подъемом стопы в лицо поднимающегося щуплого. Получилось как по футболному мячу. Налетчика перевернуло и опрокинуло на спину. Петр нагнулся и подобрал нож. Причем сделал это нарочито напоказ, чтобы чиновник смог все рассмотреть.

– Вот так, господин хороший. Только ты погоди звать помощь-то. Во-от. Молодца.

– Ч-что в-вы дел-лаете? – наблюдая за тем, как Петр обыскивает бесчувственное тело, растерянно спросил чиновник.

– Что с бою взято, то свято, господин хороший, – ответил явно приободрившийся Петр.

Он как раз нашарил в нагрудном кармане пиджака какие-то бумажки. В темноте не разобрать. Но ясное дело, что это не любовные письма. Ассигнации. Кажется, так называются сейчас бумажные деньги. В боковых карманах нашлась какая-то мелочь. Нет, может, и не мелочь вовсе, но явно монеты различной величины, ну и, как следствие, разного достоинства. Дальше был кисет, наверняка с табаком, – это неинтересно, так как Петр не курил. Коробок спичек. А вот это всегда полезно. Карманные часы на цепочке. Тоже пригодится.

Все? Пожалуй, что так. Был бы бандит ростоком повыше, можно было бы разжиться одежкой и сапогами. А эти вещички Петру и на нос не налезут. Так что пусть остаются хозяину. В груди пробежал холодок, и Пастухов приложил пальцы к сонной артерии. Ага. Шалишь, сволочь. Живой. Вот и ладушки.

– Ну чего смотрите, господин хороший? Порешить он вас хотел.

– Я это уже понял, – произнес мужчина, внимательно глядя на Петра, силясь хоть что-то рассмотреть в темноте.

А говорит как-то уверенно. От испуга не осталось и следа. Молодец, конечно. Но вообще-то было бы куда как полезнее дать деру. Кто знает, что этот незнакомец еще учудит. Ну приласкал бандита. А теперь, может, и сам на разбой переключится.

Но с другой стороны, это даже хорошо, что чиновник остался. Уж больно не хотелось отпускать эту гниду, готовую за небольшую сумму убить человека. А Петр не сомневался, что еще малость – и этот служащий лежал бы на тротуаре, пуская кровавые пузыри.

– Полиция-а-а! Грабля-а-ат! – Петр даже закашлялся от надсадного крика.

Как бы голос не сорвать. Вон как связки дерет. Кашлянув в последний раз, он прочистил горло и пошел мимо чиновника, бросив ему:

– Дождитесь городского и сдайте этого типа полиции. Ах да... – Он бросил нож на тротуар: – Улика. А я пошел.

– Стойте.

– Извините, но мне некогда. – Пастухов уже слышал, как по мостовой тротуара со стороны ресторации стучат сапоги.

А вот еще один, но уже со стороны Базарной площади. Оперативно у них тут. Не отлынивают и не празднуют труса местные городовые. Вот молодцы. Но только Петру от этого не легче. И тут в свете далекого фонаря в руках чиновника что-то блеснуло, и Пастухов отчего-то сразу осознал, что это пистолет.

– Зря вы так-то. Я же вас спас.

– Я коллежский асессор Кравцов Иван Янович, служу судебным следователем.

– Ваше благородие, я ведь спас вас, – повторил Петр.

Откуда вылезло это благородие, он и сам не понял. Наверное, все дело в фильмах и прочитанных книжках.

– Если что, найдешь меня в полицейском управлении. Беги, – вдруг произнес следователь.

А вот это уже другое дело. Петра не пришлось уговаривать, но и бежать теперь, по сути, было некуда. До перекрестка ему уже не успеть, городской слишком близко. Поэтому он перебежал на другую сторону улицы и укрылся за бульдозером. Собаки во дворах уже заливались лаем, так что заголосившая еще одна псина повлиять на общую какофонию не могла.

– Что тут происходит? – выпалил подбежавший городской.

Буквально через несколько секунд на месте оказался и другой, бежавший от Базарной площади.

– Я Кравцов, – уверенным голосом представился следователь.

– Ваше высокоблагородие! – чуть ли не в один голос произнесли городовые, вытягиваясь в струнку и отдавая честь.

Наверняка признали. Сомнительно, что тут штаты полиции такие уж большие. А следователей – и вовсе пара-тройка. Вот и знают все друг друга. Петр же сделал для себя

зарубку насчет высокоблагородия. Кто знает, может, и придется обратиться. А так обзовешь его простым благородием, тот и обидится.

– Этот тип пытался напасть на меня с ножом. Доставьте его в участок, пусть посидит до завтра. Я поутру оформлю все надлежащим образом, – начальственным тоном отдал распоряжение Кравцов.

– Слушаюсь, – снова дружно ответили городовые, и в их голосе явно проскользнуло уважение.

Вот так, все просто. Никакой волокиты. Подобрали нож, бесчувственное тело – да поволокли его в участок. Следователь задержался ненадолго, всматриваясь в дорожную технику, куда отбежал неизвестный, потом отправился своей дорогой. Дошел до перекрестка и повернул налево.

Ну что же, пора и Петру честь знать. С тем, какая ему перепала добыча, разберется потом. Подальше отсюда. В каком-нибудь уединенном месте. Например, в знакомых кустах летнего сада. А уже завтра определится, как ему быть дальше.

Хм. Судебный следователь. А что, это может быть очень даже счастливый случай. Нет, на финансовую благодарность с его стороны Петр не надеялся. Но благодарность-то может быть разной. Пастухову сейчас важнее всего хоть как-то легализоваться. Получить какую-нибудь официальную бумажку, что он такой-то такой-то, ни разу не бандит, а вполне добропорядочный гражданин Российской империи.

Глава 3

И все же параллельный мир

Нет, с этим срочно нужно что-то делать. С такими ночевками и богу душу отдать недолго. Когда Петр в первый раз забрался в эти кусты, то вырубился, практически ничего не замечая. Устал, да и нервное напряжение сказалось. А вот теперь... Петра колотило так, что зуб на зуб не попадал. Надо было все же выбраться за город. Там бы развел костер, и тогда можно было бы согреться. Вот только побоялся он покинуть пределы города. Кто его знает, какого зверя там повстречаешь. Тайга же вокруг, не парк культуры и отдыха. Вот и остановил свой выбор на летнем саде.

Да еще и желудок предательски заурчал, требуя еды. Нет, не так. Сейчас он откровенно хочет жрать. А ведь еще совсем рано. Взглянул на добытые часы. Ну да, только половина шестого. Сомнительно, чтобы хоть какая-то забегаловка начала работать раньше девяти. Там же клиенты куролесят чуть ли не до рассвета. И лоточники на базаре раньше вряд ли появятся. Пирожки – они хороши, пока горячие, как говорится, с пылу с жару, а народ на рынок подходит уже позавтракавший. Так что с раннего утра там делать нечего.

Решив не думать о еде и не травить душу, Петр принялся делать зарядку. Вообще-то он этим никогда не грешил. Нет, спортом, безусловно, занимался и разминку перед началом тренировок делал. Они с ребятами самостоятельно изучали рукопашный бой по одной затертой книжонке и по роликам из Интернета. Поначалу-то роликов этих было мало, но постепенно появлялось все больше. Туфта, ясное дело. Серьезным бойцом так не стать. Но Петру вполне хватало, как и его оппонентам. А вот именно зарядкой не страдал. Проснулся, потянулся, умылся, и ладно.

С холодом справился, а вот что делать с желудком, совершенно непонятно. Тот вовсе выводил рулады и даже побаливал. А тут и попить нечего. Хм. А ведь вроде на улицах видел водяные колонки. И одна из них – у крытых торговых рядов. Вода – это, конечно, не еда, но на какое-то время обмануть желудок вполне возможно.

Пока шел в сторону рынка, решил подсчитать свою добычу. В том, что у него в руках именно деньги, Петр убедился еще ночью. А вот с номиналом купюр и монет разбираться не стал. Смысла не было. Итак, у него в руках оказались три банкноты по одному рублю, две трехрублевые и по одной в пять и десять рублей. Всего двадцать четыре рубля. Монетами насчитал десять рублей золотым червонцем, серебром два рубля семьдесят пять копеек и медью еще двадцать копеек.

Если судить по прочитанному в книжках по альтернативной истории, оказавшийся у Петра капитал в тридцать шесть рублей девяносто пять копеек – весьма серьезные деньги. Он пока не знал, на что их может хватить, но отчего-то был уверен, что тут вполне достаточно, чтобы одеться с ног до головы и прожить около месяца, не испытывая особой нужды. В смысле голода, само собой.

Но для человека, привыкшего гульнуть, это деньги небольшие. Кабаки да бабы вообще высасывают их, подобно мощному пылесосу. Казалось бы, только вчера твои карманы были туго набиты купюрами, а уже сегодня там гуляет ветер. Поэтому ничего удивительного в том, что тот шуплый отправился на дело. Оно, конечно, это мог быть какой-нибудь злопамятный крестник следователя. Потому как вот так запросто напасть на полицейского... Но с другой

стороны, поди в темноте определи, кто перед тобой, простой чиновник или следователь.

На рынок Петр так и не попал. Отпала нужда ввиду замеченного на пути питьевого фонтанчика. Залив желудок водой и заставив его присмиреть, Петр решил вернуться к уже знакомым кустам. Холод отступил, солнце постепенно поднималось и даже начало пригревать. Ну а раз так, то можно попробовать уснуть по второму кругу.

Как ни странно, но, устроившись на солнышке, уснул Петр довольно быстро. Мало того, еще и хорошо так поспал. Сам не подгадывал, но вышло удачно. Когда укладывался, лежал на солнышке, а с течением времени оказался в тени. Так что и тепло, и не припекает. Проснулся в девять отдохнувшим и полным сил. Разве что обиженный на обман желудок заявил о себе пуще прежнего.

С этой проблемой Петр разобрался довольно быстро. Стоило только дойти до рынка и купить у одной торговки пирожки с капустой. И что-то ему подсказывало, что, отдав за пять пирожков пять копеек, он здорово переплатил. Впрочем, чему тут удивляться. На рынках да при дороге всегда все дорого. Нормальное, в общем-то, явление.

Здесь его внешний облик ни у кого не вызвал удивления. Лишь время от времени прохожие косились в его сторону. Ну да это нормально, потому что и одет необычно, и вид потасканный. Поэтому, едва утолив голод и запив завтрак водой из колонки, Петр тут же направился в лавку покупать себе местную одежду.

Идти далеко не пришлось. Лавка обнаружилась на углу площади и Воскресенской улицы. С выбором также проблем не возникло. Купил штаны, рубаху, пиджак, картуз, яловые сапоги, портянки и нательное белье, отдав за все двадцать два рубля. Можно было сэкономить рубля три, прикупив вместо сапог ботинки. Но, памятуя о местных хлябях, Петр решил все же остановиться на сапогах.

Н-да-а. Вот тебе и «солидная сумма». Хотя... Четырнадцать рублей – это все же немало. И голод Петру точно не грозит. Но это только пока. И если не учитывать того, что жить ему негде. Словом, Петр пока решил лишь одну проблему. Обзавелся одеждой. Да и то единственным комплектом. Переодеться ему не во что. Но, по крайней мере, теперь без опаски можно осмотреться.

Из лавки вышел уже полностью преобразившимся, неся свою прежнюю одежду завернутой в бумагу. От нее лучше бы избавиться, вот только Петр пока не решил как. Почему? Да потому, что она ему не нужна. И потом, местные штаны куда удобнее, чем прибывшие с ним из будущего. Вот как хотите, так и понимайте.

Проходя мимо лавки с канцелярскими товарами, решил заглянуть и в нее. Надо же упражняться в письме. Конечно, носить с собой портфель Петр не собирался. Тем более что они оказались до неприличия дорогими. Но в пиджаке имелся внутренний карман, где вполне поместится, к примеру, записная книжка. С ручками тут скорее всего полный швах, перьевые самописки будут слишком дороги, а носить чернильницу и перо крайне неудобно. Но ведь есть же карандаши. С Петра и этого более чем достаточно.

Искомое обнаружилось сразу же, стоило только сказать лавочнику, что именно его интересуется. Перекидной блокнот среднего размера, причем с твердыми корочками, идеально помещался во внутреннем кармане, там же уместились пара карандашей и стерка. Перочинный ножик угнезвился в боковом кармане. А финансы Петра подтаяли еще на целый рубль.

Ч-черт, если так дело пойдет дальше, придется выходить на большую дорогу. А это дело такое, что не всегда получается и деньгами разжиться, и закон не преступить. Ну почти. Это

же дело случая, причем весьма и весьма редкого. Уникального, можно сказать.

Петр уже собирался выходить из лавки, когда его взгляд скользнул по висящей на стене карте. Учебное пособие, не иначе. Разве только не на всю доску. Но у них в школе и такие были. Н-да. Такие, да не такие. Петр сразу и не понял, с чего это вдруг решил вернуть взгляд на эту карту. Ничего особенного, карта Восточного и Западного полушарий. Обычное дело. Если только не обращать внимания на то, что Камчатка отделена от Чукотки проливом и является большим островом. А еще Северная и Южная Америки не соединены между собой. Вместо этого перешейка имеется большой остров, превосходящий своими размерами Кубу. Южный материк имеет название Колумбия. А вот северный носит имя Америка.

Это самые яркие отличия, бросившиеся в глаза Петру. Со всеми остальными, если они есть, нужно разбираться уже более детально. Но даже это говорило о том, что никакое это не прошлое, а самый что ни на есть параллельный мир. Нет, по сути своей это, само собой, прошлое, но только альтернативное.

– Простите, а календари у вас есть? – не выдержав, вернулся к прилавку Петр.

– Какие вас интересуют? Перекидные, отрывные, плакат или карточка.

– Карточка. Только на этот год.

– Разумеется. Кому нужны прошлогодние календари. Пожалуйста.

Лавочник выложил перед Петром четыре карточки с видами Москвы, Петрограда, Царского Села и Петергофа. Петру было без разницы, какой у него будет календарь, поэтому он взял Спасскую башню со знаменитыми курантами и... увенчанную двуглавым орлом. Отдал пять копеек и, перевернув, глянул на год. Одна тысяча девятьсот двадцать первый. Мило.

Попрощался и вышел на улицу, где буквально впал в ступор. Ненадолго, но все же. Мимо лавки как раз проходили трое солдат, похоже, из местного гарнизона и в настоящий момент в увольнительной. Примерно ровесники Петра, не первого года службы. Послуживших видно сразу и по манере держаться, и по ладно сидящему, аккуратно подогнанному обмундированию. Молодцеватого вида парни вышагивали в буденовках с вышитыми двуглавыми орлами вместо больших звезд.

Все. Как бы его ни припекало желание определиться с будущим житьем, это нужно отложить на потом. А для начала не мешает разобраться, куда он вообще попал и что это за мир. Двадцать первый год с императором на троне, двуглавые орлы на буденовках. А еще неоконченная Транссибирская магистраль. Это Петр краем уха услышал на базаре, тогда он ведь не знал, какой нынче год.

– Барышни, извините, пожалуйста. Как мне пройти в городскую библиотеку? – обратился Петр к девчушкам лет шестнадцати.

Ну должна же в городе таковая быть. Не может не быть. А ему для сбора информации библиотека подойдет лучше всего. Петр рассчитывал найти там и школьный учебник по истории, и подшивки газет. Из этих источников можно получить вполне достоверные сведения. Нет, понятно, что перекосы всегда будут в пользу того, кто пишет историю. Но кто сказал, что те крохи исторических данных, известные Петру о его мире, являются истиной? У каждого своя правда.

К примеру, если послушать тех же американцев, то получается, что с фашизмом справились именно они. При незначительной помощи других стран. Да что там, если бы у них не мешались под ногами... И ведь им верят. Что самое паршивое, среди «верящих» хватает потомков тех, кто переломил хребет фашистской Германии. Нет, ходить и

размахивать флагами скриками: «Мы победили» – может, и лишнее. Но забывать о делах дедов – последнее свинство...

Девушки с сомнением посмотрели на мужчину, одетого явно по-простому, хотя и прилично. Но потом одна из них, очевидно, решила, что он выглядит все же достаточно прилично, чтобы его пустили в храм знаний, и пояснила:

– Пройдете Базарную площадь, потом еще три квартала, повернете направо, в Почтовый переулок. Пойдете по правой стороне и примерно посередине увидите двухэтажное каменное здание. В нем и находится библиотека.

– Благодарю, барышни.

Эка как легко у него срывается это «барышни». Впрочем, девчата были уже в самом соку, а потому Петр их и панночками назвал бы, ничуть не поморщившись. Разве только облизнулся бы, как кот на сметану. Н-да. Лучше бы не надо. Оно пока не помешало бы ходить бочком да поглядывать по сторонам, чтобы, ни приведи господь, чего не учудить.

Не сказать, что Базарная площадь успела просохнуть, но народ протоптал дорожки, поэтому ее проскочил, не замарав сапог. Прогулялся по Воскресенской. Проходя мимо места ночного происшествия, невольно начал осматриваться вокруг, толком не зная, что он хочет найти.

Подъехал большой грузовик. Петр обратил внимание на то, что уж этот-то точно потребляет уголек. Из квадратной кабины торчала труба дымохода, из которой валил черный дым. Кстати, кабина чем-то похожа на таковую у ГАЗ-66. Разве только попросторнее, да на морде красуется знакомый знак и надпись «Мерседес». И похоже, что котел располагается внутри ее. Ну и жарко же там, наверное! Но зато никакой гужевой повозке с ним не сравниться. Судя по объему кузова, грузоподъемность тонн шесть.

Проскочив перед кучами гравия, водитель вырулил, сдал назад и высыпал очередную кучу. Вот так. Еще и самосвал. Кстати, это далеко не первый рейс за сегодня. Петр помнил, что вчера куч было четыре или пять. А тут уже десяток. У катка с бульдозером никого не видно. Ну да оно и понятно, для них тут пока объема работ нет. Вот навозят гравия, тогда и они в дело вступят.

Библиотеку нашел быстро. Девчушка все четко объяснила. Иное дело, что она ошиблась. Петр оказался здесь персоной нон грата. Нет, его внешний вид тут вовсе ни при чем. Просто библиотекарь потребовала от него документ, удостоверяющий личность, а иначе она отказывалась пускать его в святая святых.

– Барышня, дорогая, но неужели нельзя ничего сделать? Ну не взял я сегодня документ, не знал, что тут он потребуется. А мне ведь и с собой ничего не надо. Всего и надо, что посидеть да почитать малость. Я же с пониманием. Вы хоть и не замужем, но у вас наверняка есть племяшки или младшенькие братья с сестрами, а я бы вот им на гостинец. – Петр выложил перед девушкой рубль, изобразив самую открытую улыбку, на какую только был способен.

– За кого вы меня принимаете? – возмущенно зардевшись, пролепетала девушка.

Петр умел нравиться дамам, чего уж там. Поэтому тут же сменил тактику, изобразив глубочайшее раскаяние. Будь у них одинаковый статус, то он просто начал бы с ней флиртовать, и, никаких сомнений, дело было бы в шляпе. Но она из интеллигенции, он из рабочих, и его одеяние говорит об этом весьма красноречиво. А как тут обстоят дела с сословными различиями, ему пока неизвестно.

Но в любом случае симпатичный молодой человек, даже несмотря на легкую

небритость, имеет все шансы затронуть сердечко незамужней особы. Как, впрочем, и замужней. Кто из нас не без греха, пусть и всего лишь в мыслях.

– Бога ради, извините. Просто... Ну вы же знаете, в наше время без посулов никуда. Вот я и... А мне очень надо.

– Я заметила, коль скоро на рубль не поскупились, – смилостивилась девушка. – А что так-то? Тяга к знаниям проснулась?

– Вот напрасно вы смеетесь, барышня. Учиться – оно ведь никогда не поздно. Но тут ситуация иная. Правоту свою товарищам доказать хочу или увидеть, в чем сам ошибаюсь. Понимаете? Я знать хочу, а не слухами кормиться.

Вот так, и почти не соврал, и девицу заинтересовал. А то как же, рабочий – и рвется к знаниям. Да тут ни один тилигент не выдержит, начнет помогать и способствовать. Если не от желания пособить, то для того, чтобы самоутвердиться хоть в своих же глазах. Вон он каков, не просто образован, но еще и несет луч света знаний в темную башку работяги.

– Вам только читальный зал, с собой ничего брать не будете? – уже с некоей долей заботы произнесла девушка.

– Нет. Ни клочка бумаги. Только читальный зал, – искренне заверил ее Петр.

– Уберите деньги. Пойдемте.

Девушка провела его к одному из дюжины столов с настольной лампой под зеленым абажуром и со стулом с высокой спинкой. Петр, кстати, видел такие в подвале детского дома. Они остались еще от советских времен. Надо же, сколько лет у Советов ничего не менялось.

– Что вас интересует?

– Мне бы школьный учебник по истории, такой, чтобы до наших дней. – А где еще можно быстренько пробежаться по истории, как не по страницам школьного учебника. – И подшивку «Ведомостей» за семнадцатый год, – добавил Петр, припомнив только эту газету.

– Как я понимаю, спор у вас с друзьями вышел относительно февральских событий?

Библиотекарша именно так и сказала – «февральских событий». Причем во всеуслышание, хотя в библиотеке в этот момент никого и не было. И ведь придавала значение «Ведомостям», даже не упомянув учебник истории. Ой, вот только политики ему не хватало. Но с другой стороны, если Петр подыграет, то лояльность с ее стороны будет еще большей. И он не стал ее разочаровывать.

– Это так, барышня. Но меня и другие вопросы интересуют.

– Понимаю. Сейчас я вам все принесу.

– Благодарю вас, барышня, – нервно сглотнув, произнес Петр.

Да что же они тут все такие хорошенькие?! Может, чистая экология и здоровое питание, вон какие дамочки, просто кровь с молоком. Или это у него гормоны разгулялись на нервной почве. Очень даже вероятно. Такие похождения бесследно не проходят. А уж ему-то за последние сутки досталось так, что ни приведи господи...

Н-да. Ну, с Америкой – как он и предполагал. Южную открыл Колумб, в Северной отметил Америго Веспуччи. И Петр Великий тут очень даже имел место быть, с его закидонами и окончательным расколом православной церкви. Разве что, нужно отдать ему должное, он не просто создал флот, но и выпихнул русских моряков из Балтики. Он использовал зародившийся российский флот для лучшего освоения Дальнего Востока и Аляски. Впрочем, для этого и Белого моря вполне хватило бы, без выматывающей войны со Швецией. Но все же.

Правда, с освоением все одно что-то не заладилось. Берега Амура, Приморский край – еще более или менее. Но вот Чукотка, остров Камчатка и Аляска – откровенно слабо. На волне поражения в Крымской войне, опасаясь, что попросту не сможет удержать неосвоенные территории, Александр Второй решил продать Аляску американцам.

Наличие морского пути на Дальний Восток сыграло с Россией злую шутку. Потому что Транссибирскую магистраль начали строить только после поражения в войне с Японией. Планы строительства вынашивались уже давно, но в то же время всегда находились другие дыры. Опять же, благодаря морскому пути и рекам Амур и Аргунь дела на Дальнем Востоке обстояли не так уж плохо, чего не скажешь о Сибири.

Но надежды на морское сообщение не оправдали себя. Японские крейсера и миноносцы хорошо покуражились в ту войну. А именно на них и сделал ставку адмирал Того. Японский адмирал с куда большим вниманием относился к военной мысли русского адмирала Макарова. Кстати, тот так же погиб при обороне Порт-Артура.

Однако и после войны какое-то время было не до Транссиба. Хватало как внутривосточных, так и экономических проблем. Кроме того, решение о начале строительства всячески саботировалось Государственной думой. Император своего волевого решения не высказал. Но Столыпину все же удалось растормозить Николая Второго, и строительство было начато. Однако вскоре грянула война, и финансирование строительства было прекращено.

Первая мировая в общем и целом шла по известному Петру сценарию. Во всяком случае, насколько он знал этот вопрос. И в феврале в Петрограде имели место волнения, едва не переросшие в вооруженное восстание. Вернее, вооруженные выступления тоже имели место, но они не успели принять большие масштабы.

Бунт подавил генерал Корнилов, вступивший в должность командующего петроградским гарнизоном. Командир «Стальной» дивизии, покрывший себя славой на фронте, бежавший из плена, куда попал, спасая Юго-Западный фронт от крушения, он пользовался непреложным авторитетом как у офицеров, так и у солдат. Поэтому сумел сплотить вокруг себя оставшиеся верными присяге, а вернее, поверившие в него части и, выведя на улицы столицы пушки, подавил вооруженные выступления жестко и быстро.

Н-да. Николай Второй и тут проявил слабохарактерность. А может, политическую дальновидность. Кто его знает. Уж не Петр, это точно. По итогам февральских беспорядков приговоры были весьма мягкими. Ни одной смертной казни, на каторгу угодило не более сотни человек. И это при том, что в вооруженном восстании участвовали солдаты, дававшие присягу! А само оно случилось в условиях, когда страна вела тяжелую войну. Бред! Но это было.

Мало того. В «Петроградских ведомостях», одной из центральных газет, проскальзывали такие выражения относительно Корнилова, как «душитель свободы». И это в то время, когда все еще шла война! Н-да, либералы все же появились не в девяностые. Эти индюки, похоже, существовали всегда. И ведь понятия не имеют, от чего их спас этот самый решительно настроенный «душитель свободы».

Зато летняя кампания семнадцатого года ознаменовалась мощным наступлением русской армии на Юго-Западном фронте и фактическим выводом из войны Австро-Венгрии, потерявшей четыре пятых своей территории. Окончательно вышла из войны Болгария. Союзники не позволили России и Сербии дожать ее окончательно. Как не дали возможности русским создать второй фронт с Турцией.

А еще весьма серьезные военно-морские силы Англии, Франции и Италии не смогли предотвратить уход из Адриатического моря австро-венгерского флота, лишившегося своих военно-морских баз. Противник «просочился», предприняв внезапные, отчаянные и решительные действия по прорыву блокады. Австро-венгры, совершив беспримерный переход под носом у противника, нашли прибежище в портах Турции, в значительной степени укрепив ее морские силы.

Планы, взлелеянные адмиралом Колчаком по захвату проливов, провалились. Ему банально не хватало сил, чтобы противостоять объединенному флоту центральных держав. Для русского Черноморского флота настали по-настоящему трудные времена. Даже Петру было понятно, насколько союзники подставили Россию. Отчего этого не замечал русский царь?

Союзники едва не надорвались на Западном фронте, но так и не смогли прорвать оборону германской армии. И это несмотря на то, что, спасая положение, германцы были вынуждены перебросить на Восточный фронт весьма существенные силы, в буквальном смысле оголив Западный.

Германцам пришлось оставить все территории, оккупированные в пятнадцатом году, во время великого отступления русской армии. Но, пожертвовав ими, они все же сумели стабилизировать фронт по довоенной границе. Правда, это было уже началом конца.

Петр попросил другие подшивки газет и погрузился в изучение уже современной истории. Разумеется, он останавливался только на громких, бросающихся в глаза заглавиях статей. В конце концов он не собирался посвящать свою жизнь изучению истории этого мира. Он просто хотел хоть как-то сориентироваться.

Весной восемнадцатого года в командование Западным фронтом вступил Корнилов. Наряду с Брусиловым он стал настоящим героем этой войны. Только, в отличие от последнего, еще и был всячески облакан императором. В апреле русская армия начала широкомасштабное наступление на всех фронтах.

Вновь преуспели два героя этой войны. Но Корнилову, не то что Брусилову, резервы выделялись щедрой рукой. Войска его фронта получали лучшее снабжение. Несли огромные потери и рвались вперед. Брусилов фактически выкручивался своими силами. Хотя справедливости ради нужно заметить, что и напряженность на его участке все же была ниже. Так было написано в газетах. Да и Петр не раз и не два слышал высказывания насчет боевой эффективности австро-венгерской армии. А именно против ее остатков в основном и действовал Брусилов.

Зашевелились союзники, и их натиск был по-настоящему страшен. В Европу прибыли экспедиционные силы САСШ. И Вильгельм понял, что на этот раз ему не выстоять. Силы Германии были исчерпаны до дна. И все же войска на Западном фронте получили приказ держаться до последней возможности.

В дело вступала политика, и Вильгельм прекрасно отдавал себе отчет в том, что европейские державы разденут Германию как липку. Русские никогда не отличались кровожадностью. Ярким тому примером – поражение Наполеона, ну и, опять же, русско-турецкая война, в результате чего Болгария получила свободу. К тому же императрица, немка Александра Федоровна, имела влияние на своего царственного супруга.

И русский царь Вильгельма не разочаровал. Лучше бы Николай так пекся об интересах России, как он отстаивал перед союзниками поверженную Германию. Она отделалась, можно сказать, легким испугом. Даже Петр знал, что в его реальности ей досталось куда

серьезнее. А вот Австро-Венгрия прекратила свое существование, распавшись на несколько государств.

После войны победившая Россия едва держалась на ногах. С одной стороны, война благотворно сказалась на темпах промышленного производства, возросших в несколько раз. С другой – просто грабительские проценты по займам, взятым у заклятых союзников. Конечно, до экономического краха было еще далеко, но и кризис – налицо.

Ставший председателем Совета министров вместо Голицына, не оправдавшего доверия, Петр Львович Барк начал постепенно и планомерно выправлять ситуацию. И в этом ему помогали недра страны. Ну и его личный деловой подход к решению возникающих проблем.

Еще в четырнадцатом году открыли богатое месторождение золота на Колыме. Однако в связи с началом войны разрабатывать его никто так и не стал. Грянула мобилизация, свалились иные напасти. И вот когда с войной было покончено, об этом открытии вспомнили. Барк и вспомнил.

Он являлся протеже покойного Столыпина, умевшего подбирать кадры. Тот прочил Петра Львовича на должность министра финансов; и хотя не успел сам довести его до этого портфеля, тот и сам управился. Причем сумел выстоять длительное время. Несмотря на войну и интриги. И вот, став председателем Совета министров, после победы Барк вспомнил о поданной перед войной записке.

Им же были предприняты усилия по распространению сведений относительно русского Эльдorado. И грянула колымская золотая лихорадка. В России хватало золотопромышленников. Тем не менее до войны шестьдесят процентов добываемого в стране золота приходилось на частных старателей, сдававших металл в приемные пункты.

Даже при том, что старатели немалую часть добытого переправляли контрабандой в тот же Китай, в России ежегодно добывали более шестидесяти тонн этого металла. В первый год после войны добыча золота в общей сложности составила более ста двадцати тонн.

При этом среди старателей наблюдалась высокая смертность. Люди, в большинстве своем прошедшие войну и имеющие решительный характер, нередко доводили дело до вооруженных столкновений. Как ни странно, дрались не за золото, а за продовольствие. Случались смерти и от голода. Шутка сказать, в необжитых и неподготовленных местах одновременно оказалось порядка семидесяти тысяч человек.

Барк учел ошибки. И хотя девятнадцатый год можно было назвать весьма удачным ввиду пополнения золотого запаса казны, он считал его провальным. На следующий год Барк предпринял целый ряд мер по обеспечению сети магазинов^[3] и приемных контор на Колыме.

Для этого использовались трофейные дирижабли Цеппелина. Так уж случилось, что русские захватили аэродром базирования этих гигантов вместе с дюжиной воздушных судов и со всей инфраструктурой. И они оказались как нельзя кстати в условиях полного отсутствия дорог и крайней удаленности от населенных мест. Число же старателей превысило сто тридцать тысяч человек.

В прошлом, двадцатом году, если верить прессе, в империи было добыто около ста семидесяти тонн золота. И в этом году предполагалось побить эту цифру. Вместе с приостановкой деятельности печатного станка данное обстоятельство благотворно сказалось на росте курса ассигнаций к золотому стандарту.

Золотые монеты, исчезнувшие было из оборота с началом войны, вновь начали появляться во взаиморасчетах. Банки возобновили обмен, медленно, но верно выравнивая

курс ассигнаций. Тенденция к росту их курса была неуклонной, и многие из тех, кто припрятал червонцы в кубышку, стали доставать металл, обменивая на бумажные деньги, пока это сулило большие выгоды. Что также благоприятно сказывалось на укреплении национальной валюты. Если в годы войны ассигнационный рубль стоил только пятьдесят копеек золотом, то уже через два года его стоимость равнялась шестидесяти пяти копейкам. За прошедшие шесть месяцев этого года ассигнационный рубль укрепился еще на десять копеек, и его стоимость составляла уже семьдесят пять копеек. А ведь впереди – следующие полгода.

Причина была не только в легализации припрятанного и добыче нового золота. Дело в том, что в ходе доставки грузов посредством дирижаблей пилоты совершенно случайно обнаружили кимберлитовую трубку. Во время ее обследования было выявлено богатейшее месторождение алмазов^[4]. Казна тут же наложила на него руку, начала возводить прииск и поселок при нем, а также перебрасывать технику. Вот так все серьезно. Месторождение получило название «Трубка Маркова» в честь геолога, который заметил находку с воздуха и впоследствии провел геологоразведку.

Добыча алмазов началась только в этом году. По сути, пока непонятно, насколько богатое месторождение и каковы будут объемы добычи. Но данный факт уже сказался на курсе рубля. И если судить по тому, что помнил Петр, якутские алмазы должны были сказать свое веское слово.

Нередко встречались статьи о строительстве Транссибирской магистрали. Отмечались довольно частые нападения со стороны китайских и монгольских бандитов. В основном их целью являлись кассиры, перевозившие деньги на зарплату рабочим. Но случались нападения и на рабочие бригады. Словом, какой-то «Юнион Пасифик» на Диком Западе.

Совсем редко, но написанные неизменно в отрицательном или ироничном ключе, встречались даже не статьи, а заметки про инженеров, стремившихся создать двигатель внутреннего сгорания. Вот только эти редкие упоминания интересовали Петра особо. Складывалось такое впечатление, что кто-то планомерно травит идею создания ДВС. Одни называли эти двигатели ломкими, громкими и капризными игрушками с крайне небольшим рабочим ресурсом. Другие откровенно недоумевали, к чему тратить усилия на, по сути, бесполезную и бесперспективную идею, если паровые машины зарекомендовали себя с наилучшей стороны и сумели покорить даже небо.

Никакой ошибки. Граф Цеппелин приводил в движение свои гигантские дирижабли посредством компактных паровых машин, используя замкнутую систему циркуляции воды. И добился весьма существенных успехов, его аппараты совершали трансатлантические перелеты. Однако дирижабли при их большой грузоподъемности отличала некая медлительность и неповоротливость.

Мысль человеческая не стоит на месте, и идея создания воздушного аппарата тяжелее воздуха не оставляла пытливые умы. Уже в конце девятнадцатого века был создан первый самолет с паровым двигателем. Постепенно конструкция все более совершенствовалась, аппараты поднимались выше и летели дальше. Появлялись новые материалы. Получение алюминия и вовсе вывело самолетостроение на новый уровень. В войне с обеих сторон использовались уже тысячи самолетов с паровыми двигателями.

В пятнадцатом году на фронте появились грозные боевые машины. Танки ползли в свою первую атаку под Ипром на паровом приводе. Как, впрочем, было и всю последующую войну. Да и сейчас очень даже бегают, именно что бегают, используя силу пара. И никакого

стимпанка. Все вполне реально, функционально и даже красиво.

Да что там говорить. Здесь даже мотоциклы с паровыми машинами имеются. И ничего, катаются за милую душу. Ну, если судить по фотографиям и статьям в газетах. И габариты у них не как у паровозов, а вполне даже привычные. Вот как у них тут все весело.

А двигатели внутреннего сгорания мало того что высмеивают при первой возможности, так еще и опасными называют. Вот развернутая статья, а не какая-нибудь заметка. Некий изобретатель, инженер Верховцев, решил-таки создать двигатель с взрывающимся внутри рабочего цилиндра топливом. Он вроде даже получил какие-то результаты, раскатывал по городу, пугая всех грохотом своего изобретения. Но при очередных испытаниях двигатель взорвался, уничтожив как своего создателя, так и целый ряд пакгаузов. Как говорится в статье, эти пороховые и жидкотопливные двигатели уже не курьез и не шутка, они по-настоящему опасны.

Интересно, а что такого нужно было сделать, чтобы ДВС взорвался? Нет, правда? Петру это было очень интересно. Ну бог с ним, с пороховым двигателем. Все же порох – это взрывчатое вещество. Но бензин или солярка... Кстати, он не нашел ни одного упоминания о Дизеле. Впрочем, чему тут удивляться, если этим миром правит пар. Хотя... Есть чему удивляться! Идиотизм, да и только! Какие-то сплошные газетные утки.

Но зато у Петра есть возможность создать двигатель внутреннего сгорания. Причем он очень быстро сможет построить рабочий образец, а не какой-то там прототип. Пусть он не инженер и с расчетами у него будет полный швах, зато он практик и знает моторы как свои пять пальцев, пусть это и российские образцы.

Ну хорошо. Ему понадобится инженер. Нужно же провести необходимые расчеты и вообще грамотно подойти к данному вопросу. Но в создании рабочего образца, превосходящего сегодняшние паровые машины, нет ничего сложного. Остается только заработать немного средств, и тогда все получится.

Петр даже знает, кто будет первым заказчиком. Конечно же армия. У ДВС есть одна особенность, которая непременно должна соблазнить военных. Двигателю внутреннего сгорания не требуется время для подготовки к запуску, потому что он всегда готов к работе. Стоит только его запустить, и можно трогаться. Ну и компактность. Сколько ни уменьшай паровую машину, котел никуда не денется. «Стирлинг»? Насколько знал Петр, добиться его компактных размеров – задача далеко не тривиальная.

ДВС, конечно, сложнее, дороже как в производстве, так и в эксплуатации, не такой экологичный. Но зато куда большая возможность маневра и имеет хорошие перспективы роста. Стоит его только вывести в свет, как ДВС очень быстро оставит позади своего парового конкурента.

Хм. Но первым шагом на пути к своей цели должна быть легализация его будущего «создателя». Как там фамилия этого следователя? Кравцов. Точно, коллежский ассессор Кравцов. Как-никак он все же обязан Петру жизнью. А от него потребуется всего-то незначительная услуга. Помочь с документами.

– Большое спасибо, барышня. Вы меня очень выручили, – уходя, поблагодарил Петр.

– Нашли, что искали?

– Да, спасибо.

– И как? Вы оказались правы?

– Абсолютно.

– А как же вы докажете своим товарищам вашу правоту? Или мне ожидать теперь целую

делегацию? – Вновь милая улыбка, и у Петра опять засосало под ложечкой.

– О-о-о, уверяю вас, я никого сюда не приведу. Да они и не пойдут. Более того, уверен, что они уже и думать забыли о наших противоречиях. Мне достаточно знать, что я прав. Остальное не важно.

– Это неправильно. Необходимо отстаивать свое мнение, – решительно не согласилась библиотекарьша.

– Даже с оружием в руках?

– Если придется, – кивнула девушка. – Я могла бы рассказать вам и вашим товарищам о февральских событиях.

– Вот, значит, как. Не из ссыльных ли будете, барышня?

– Это что-то меняет?

– Упаси боже. Солнце теплое, вода мокрая, вы ссыльная, мир не перевернулся, и жизнь продолжается. А в феврале семнадцатого имело место банальное предательство, удар в спину собственному народу, ведущему тяжелую войну. Вы даже не представляете себе, какими были бы последствия, не прояви генерал Корнилов решительность и верность присяге.

– Вы оправдываете генерала, а между тем в феврале он утопил в крови революцию.

– Вас послушать, так можно оправдать и бомбистов.

– А вы считаете их неправыми? Они борются с самодержавием.

– Они просто террористы, и от их бомб гибнут далеко не только сатрапы и верные псы самодержавия.

– Лес рубят – щепки летят. Слышали такое выражение?

– Слышал, конечно. – Петр подошел к окну, выглянул на улицу и подозвал девушку: – Вот, барышня, взгляните. Видите?

– Что?

– Вот я вас и спрашиваю, что вы видите?

– Улица. Прохожие.

– Щепки.

– Что, простите?

– Я говорю, это те самые щепки, барышня.

– Но...

– И вон та девочка, что просится к мамке на ручки, тоже щепка. Не надо так на меня смотреть, – грустно улыбнулся Петр. – Когда бомбисты лили кровь, это считалось революционной борьбой. Когда же Столыпин отреагировал на это решительно и жестко, появилось презрительное выражение «стольпинский галстук». Когда солдаты, наплевав на присягу, науськиваемые германскими провокаторами и заговорщиками, повернули штыки против законного правителя, это назвали революционным порывом масс. Когда же Корнилов призвал к ответу предателей и клятвопреступников, его назвали душителем свободы. Я далек от политики, милая барышня, но если спросите, кто мне ближе, я отвечу – Столыпин и Корнилов.

– Не смею больше вас задерживать, – с холодным презрением произнесла библиотекарьша.

– Еще раз спасибо. И до свидания, – все же остался вежливым Петр.

Вообще-то он с удовольствием сказал бы ей «прощай». Эта особа теперь ему решительно разонравилась, и видеть ее желания нет никакого. Даже ее красота сейчас его не трогала. Признаться, Петр с удовольствием задрал бы ей юбку и отстегал ремнем. Причем

сексуальные игры тут абсолютно ни при чем. Хм. Похоже, эти чувства взаимны. И все же Петр скорее всего сюда еще вернется. А то как же, храм знаний как-никак.

Пройдя по Почтовому переулку, Петр свернул на Благовещенскую, на которой и находилось полицейское управление. Откладывать визит к следователю нет никакого смысла. Как говорится, раньше сядешь – раньше выйдешь. Хм. А вот этого, пожалуй, не надо. Ему и на свободе живется очень даже хорошо.

На улицах города было довольно многолюдно. Время послеобеденное, самая жара. Но горожанам, похоже, на это плевать: чуть ли не весь город высypал на улицу. Разве что стараются придерживаться северной стороны улицы, там есть возможность укрыться от палящих лучей солнца в тени домов.

Вот странное дело. Город расположен, можно сказать, среди тайги, а деревьев на улице практически нет. А ведь оно было бы и веселее, и тень для пеших прогулок. Опять же, в случае небольшого дождя кроны деревьев вполне были бы способны прикрыть горожан.

Пока шел, в попутном и встречном направлении проехало целых семь автомобилей. Два грузовика «мерседес» и «опель», наверняка трофеи. Два уже виденных ранее автобуса, двигающихся по маршруту, и, как рассмотрел теперь Петр, на кузове написано «Марк». Никогда не слышал о таком автомобиле. Три легковушки: «стенли» с открытым верхом, эта машина стояла вчера у ресторации, Петр ее узнал; и два «форда» с закрытой кабиной. Эти он точно не встречал. А ничего так в Красноярске с автотранспортом. Живенько.

На входе в полицейское управление, как и вчера, стоял городской. Разве только другой. Петр подумал было, что ему заступят дорогу. Но полицейский окинул его скучающим взглядом, что-то там для себя решил и равнодушно отвернулся.

А вот внутри Петра остановили. Впрочем, он и сам бы остановился, потому что понятия не имел, куда идти. Здание двухэтажное и не такое уж большое. Но все же минимум пара десятков кабинетов тут имеется. И что же, ломиться во все? Вот тогда точно выпросишь то, что так упорно выпрашиваешь.

– Чего надо? – Дежурный унтер даже не пытался быть вежливым.

– Мне бы к следователю Кравцову, – даже не думая придавать значение некультурному обращению, пояснил Петр.

– Тебе назначено?

– Нет. Но он обещал меня принять.

– С чего бы это?

– А ты его об этом спроси.

– А если он скажет гнать тебя пинком под зад? – ухмыльнулся урядник.

– Ну так с тебя же не убудет? Пнешь. И вся недолга, – улыбнувшись самой своей открытой улыбкой, ответил Петр.

– Это да. С меня не убудет. Даже весело будет. Михей!

– Я, – отозвался городской, сидевший в уголке и, как видно, выполнявший функцию помощника дежурного.

– Проводи до их высокоблагородия.

– Слушаюсь, – поднимаясь, без особой прыти ответил городской и кивком головы обозначил направление, в котором следует двигаться посетителю.

Как и предполагал Пастухов, его проводили на второй этаж. Кабинет коллежского асессора оказался первым от лестницы. Рядом стояла обычная скамья, отполированная посетителями. Кстати, здесь и сейчас сидели двое, мужичок и баба средних лет, по виду

крестьяне. Выходит, следовательно занят и Петру придется обождать.

– Разрешите, ваше высокоблагородие? – постучавшись, заглянул в кабинет городской.

– Слушаю тебя, братец, – слышался знакомый голос.

– Тут к вам один просится. Говорит, не вызывали, но, мол, обещали принять.

– А ну покажи его.

– Здравия желаю, ваше высокоблагородие, – заглянул в кабинет Петр.

За столом сидел мужчина средних лет, вполне обычной внешности, без особых примет.

Одет в чистенькую и ухоженную форму. На переносице пенсне. Перед ним лежат бумаги, а на стуле сидит старик, тоже крестьянин. Похоже, следовательно его сейчас допрашивал.

– Странно. Голос вроде знакомый, а не упомню. Кто таков? – даже растерялся следовательно, как видно, обладавший хорошей памятью.

– Вы вчера вечером сказали, что я могу к вам подойти, – пояснил Петр.

– Ага. Вспомнил. Посиди обожди, пока освобожусь. А потом я тебя приму. Спасибо, братец. Оставляй этого и можешь идти дальше нести службу.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие.

Ничего так следовательно, цену себе знает, сразу рассыпаться в благодарностях, очевидно, не собирается. Но с другой стороны, вроде не заносчив. Так что, возможно, и выручит.

Прождать пришлось целых три часа. После этой троицы городские доставили еще клиента, в котором можно было безошибочно опознать бывшего урку. Если этот Кравцов и испытывает благодарность за спасение своей жизни, то проявлять ее как-то не спешит.

– Так вот ты каков, человек прохожий, – указывая Петру на стул напротив себя, произнес следовательно. – За благодарностью пожаловал?

– Можно и так сказать. Да только больше за помощью.

– Излагай.

– Кхм. В общем, мне нужны документы.

– О как. Так ведь я не паспортный стол.

– Я знаю. Да только и я не местный.

– Ясно. А что с прежними документами стряслось?

– А не было их у меня никогда. Сколько себя помню, все время бродяжничал, ни где родился, ни где крестился, ничего не знаю.

– И чем же ты жил?

– Поначалу попрошайничал, потом перебивался случайными заработками, за хлеб и кашу.

– И вдруг прозрел, понадобились документы.

– Вот напрасно вы так, ваше высокоблагородие. Я, может, лучше иного мастерового дело знаю, да только мне больше, чем на хлеб да кашу, не заработать, потому как я никто и звать меня никак. А я по-человечески жить хочу.

– Ох, темнишь ты, братец. Ох, темнишь.

– Вот потому раньше и не обращался в полицию. Веры нашему брату нет.

– А ну давай как на духу, ты вчера тоже хотел на меня напасть?

– Хотел бы, так напал бы, ваше высокоблагородие. Вы уж простите, но приголубил бы вас следом за тем щуплым да обчистил бы обоих.

– А может, ты специально это сделал, чтобы в доверие ко мне втереться да документы справить?

– Знать, не поможете. Ну тогда простите, что побеспокоил. Вы мне ничем не обязаны.

Так не часто повезет, чтобы и татя к ответу призвать, и свои дела поправить. А я вон себе одежду новую справил. Теперь найду какую вдовушку, их теперь много, да буду жить-поживать.

– Ну и жил бы. Чего же документами решил озаботиться?

– Так для сохи документы не требуются. А я и механиком могу, и слесарем, и электромонтером. Покидала жизнь, понахватался малость. Вот и думал в железнодорожные мастерские устроиться.

– А краснеть не придется, если я тебя туда пристрою?

– Не придется, – искренне заверил Петр. – Но только все одно документы нужны. Я уж по этой дорожке хаживал. Как к получке дело подходит, так и начинается радость. Не нравится – иди на все четыре стороны. А куда без документов-то.

– Значит, так, спаситель. Слушай меня внимательно. Заведующего мастерскими я хорошо знаю. Обмана за ним никогда не водилось. Попрошу – примет. Но только приживешься ты там или нет, это уж от тебя зависит. А пока суд да дело, я тебя по всем линиям проверю. Думаю, если что за тобой имеется, то за полгода мы это раскопаем. Поэтому сейчас тебя сфотографируют, потом оформим все потребные бумаги. Если ты думал, что я ради тебя пойду на преступление, то ты сильно ошибся.

– Нет, не думал, – с довольной улыбкой замотал головой Петр.

– Вот и ладно. Тогда пойдем к нашему криминалисту.

– Сашенька, ты позволишь? – постучав в дверь, поинтересовался мужчина средних лет, весьма представительной наружности, в деловом костюме и с котелком в руке.

По всему было видно, что он собирался покинуть дом.

– А разве тюремщик спрашивает у заключенного разрешение на что-либо? – послышался из-за двери резкий девичий голос.

– Я так понимаю, что войти я все же могу? – сделал вывод мужчина, даже не пытаясь оправдываться в ответ на резкое высказывание.

Поэтому, больше не тратя время на переговоры, которые обещали быть бесплодными, он открыл дверь и вошел в комнату.

– Доброе утро, дочка, – поздоровался Виталий Юрьевич.

Ответом ему послужили молчание и гордо демонстрируемая спина. Дочь уже была полностью одета и не выходила к завтраку только в силу протеста. Вот такая уродилась, и ничего с этим не поделаешь. Да еще и воспитывалась без матери. Отец в дочери души не чаял и настолько ее любил, что так и не женился во второй раз. Сашенька была весьма упрямой особой с раннего детства. А еще отчаянной проказницей, если не сказать больше. Образ матери для нее был священен, а потому ни одна женщина не смогла бы ее заменить. Угу. Если коротко, то Саша попросту вила из своего папеньки веревки, если не сказать канаты.

А тут еще и это новомодное женское движение – эмансипация. Которое докатилось и до России. В молоденьких барышень словно бес вселился. Они норовили во всем превзойти парней. И, к сожалению, дочь Виталия Юрьевича не стала исключением. Да она и не могла им быть ввиду своего взбалмошного характера. Вот и курить стала, только девять утра, а в комнате уже дым. И ведь любое замечание неизменно воспринимается в штыки.

– Александра, я к тебе обращаюсь.

– Я слышу, – с нарочитой надменностью, но все же с интонацией обиды ответила девушка.

– И?

– А я должна пожелать доброго утра своему тюремщику?

– Н-да. Правы все же были те, кто говорил, что тебя нужно было пороть в детстве. Увы, теперь уже поздно, – разочарованно вздохнул отец.

– Пороть. Фи. Как это вульгарно, Виталий Юрьевич. И отдает анахронизмом. Я считала вас представителем современного общества, а не сторонником ветхой старины.

– Александра, или разговаривай со мной нормально, или... – глядя на стройную спину, затянутую в платье, и каштановые волосы, убранные в аккуратную прическу, сердито бросил отец.

– Что – или? – резко обернувшись, выпалила девушка.

– Я устал с тобой бороться, дочка, – сдулся Игнатьев.

Если бы кто-то из его компаньонов, и уж подавно конкурентов, сейчас наблюдал эту картину, то не поверил бы своим глазам. Волевой, предприимчивый и безжалостный делец с бульдожьей хваткой пасовал перед какой-то пигалицей. А иначе ее и не назвать. Невысокого роста ладная девчушка лет двадцати, с весьма милым, даже красивым лицом, обрамленным светло-каштановыми волосами.

– Значит, так, – став вдруг жестким, вновь заговорил Виталий Юрьевич. – Игнат сегодня же присмотрит тебе отдельную квартиру. Ты будешь получать триста рублей ежемесячного содержания. Этого более чем достаточно, чтобы практически ни в чем себе не отказывать. Ни копейки больше ты не получишь. Поэтому когда будешь кутить со своими экзальтированными друзьями, имей это, пожалуйста, в виду. Я не собираюсь угрожать тебе лишением наследства. Но учти, я не оставлю дело всей своей жизни в руках вздорной особы, способной пустить мои труды на ветер.

– Оставьте все церкви, Виталий Юрьевич? – с язвинкой поинтересовалась девушка.

– И эту глупость я не сделаю, – отрицательно покачав головой, спокойно возразил отец. – Священники должны служить Господу и заботиться о душах своих прихожан, а не заниматься предпринимательством. Я поступлю иначе. Выпущу акции, и всяк сможет выкупить то или иное их количество. Ты также получишь часть акций, но не контрольный пакет. Так что бедность тебе не грозит, и бесприданницей ты не будешь. Но изгадить мой труд у тебя не получится. Вырученные же от продажи акций средства я пушу на расширение производства.

– Папа, ты не сделаешь этого!

– Почему? Потому что моя дочь спит и видит, когда я умру, чтобы полностью перепрофилировать производство под свои взгляды? И потом, где вы потеряли Виталия Юрьевича, милая барышня?

– Папа...

– Помолчи. Девочка, ты с самого детства вьешь из меня веревки, но даже понятия не имеешь, что я за человек за пределами дома и чего стоит мое слово. Так что не сомневайся, я сделаю так, как сказал.

– Я в этом и не сомневаюсь. И чего стоит твое слово, я прекрасно знаю. Но ты не прав. Я не желаю твоей смерти. И никогда этого желать не буду. Если ты так говоришь, то это ты совершенно меня не знаешь. Или принимаешь за... за... Я даже не знаю, за кого, – чуть ли не в отчаянии едва не выкрикнула девушка.

– Но насчет перепрофилирования производства ты ничего не сказала, – ткнув в нее указательным пальцем, произнес отец.

– Потому что я считаю себя правой. Верховцев...

– Твоего Верховцева убило его же изобретение, – отмахнулся Игнатьев. – Мало того, что сам отправился на небеса, так еще и семья осталась без средств к существованию. Ну работал себе и работал, к чему было связываться с этой опасной игрушкой?

– Но папа, двигатель внутреннего сгорания вовсе не опасен. Да, он шумный, но взорваться...

– Ты так в этом уверена?

– Абсолютно.

– А как же тогда мнения авторитетных ученых?

– Это все чушь. Было время, когда такие же авторитеты утверждали, что длительное движение со скоростью тридцать верст в час приведет к летальному исходу. Однако сегодня мы наблюдаем скорости в два и три раза большие, дирижабли перекрывают этот потолок в четыре с лишним раза, самолеты в пять, однако никакого негативного влияния нет. И потом, это скорее паровые котлы склонны к взрывам.

– Глупости. За четыре года войны на полях сражений были задействованы сотни тысяч паровых машин, и за все время не было зафиксировано ни одного взрыва котла. Я имею в виду без внешнего воздействия. А взорвавшийся двигатель внутреннего сгорания – налицо. Причем это уже не первый случай.

– Этого не может быть. Я уверена, что это просто заговор промышленников, которые всячески не желают появления конкурентов.

– То есть и я тоже состою в этом заговоре?

– Нет. Тебя к их числу я отнести не могу. Потому что ты занялся производством автомобилей и паровых машин к ним только в годы войны, – покачав головой, возразила девушка.

И это чистая правда. Виталий Юрьевич входил в число тех промышленников, которые налаживали производство уже после начала войны. До этого он был купцом и водил баржи по Волге. Ну, не сам, конечно. У него имелось четыре парохода и дюжина барж.

Он уже давно подумывал наладить производство автомобилей. Но его останавливало то, что на российском рынке автомобили были не так востребованы. И потом, единственный русский автомобиль «Руссо-Балт» оказался гораздо дороже того же «опеля» или «рено» и не мог конкурировать с ними даже с учетом взимаемых за них пошлин. А уж о «фордах» и говорить нечего, те в сравнении с ним и вовсе стоили копейки.

Смешно сказать, но Виталий Юрьевич даже побывал на заводе Форда и самым внимательным образом ознакомился с организацией производства. Признаться, он был поражен эффективностью внедренных этим человеком новаций. Однако так и остался простым любопытствующим субъектом. Да, Игнатьев хотел наладить выпуск своего автомобиля. Но не был готов заниматься гарантированно провальным делом. В России спрос на автомобили, даже самые дешевые, был крайне низок.

Однако все изменилось, когда грянула война. Армия нуждалась в автотранспорте. Автомобили приходилось закупать за границей, причем в больших количествах и за звонкую золотую монету. Убедившись, что на время войны в заказах у него недостатка не будет, и высчитав, что не только оправдает вложения, но и сумеет заработать, даже если война продлится всего два года, Игнатьев решил взяться за строительство завода. К тому же этому способствовали льготы, предоставляемые правительством промышленникам, которые налаживают производство в военной сфере.

Уже через год завод начал выпуск автомобилей «Добрыня» грузоподъемностью полторы тонны. Еще год спустя со второго конвейера сошел первый «Муромец» грузоподъемностью пять тонн. А еще через полгода – «Попович», это был легковой автомобиль для командного состава. Имелись образцы и в грузовом исполнении грузоподъемностью до сорока пудов. Все автомобили выпускались во внедорожном исполнении, что, в общем-то, и понятно, все же продукция для фронта.

В настоящий момент военные несколько урезали заказы. Но это не так уж и страшно. Автомобили у Игнатьева получались сравнительно недорогие, хорошего качества и вполне были востребованы и на внутреннем рынке. В частности, сейчас возобновлено строительство Транссибирской магистрали, и там требовались именно внедорожные грузовики. Правда, тоннаж «Муромцев» пришлось увеличить до шести тонн, чтобы они могли выступить достойной заменой иностранцам.

Кроме того, «Поповичи» приобрели некую популярность среди помещиков, управляющих поместий и зажиточных крестьян. Разве только пришлось увеличить ассортимент. Не всем по душе аскетичная компоновка военного автомобиля с парусиновым верхом. Появились образцы с кабинами, причем как в скромном, так и в более дорогом исполнении...

– Ну спасибо, дочка. Отрадно слышать, что я все же не причастен к всемирному заговору.

– Но это ты! Что же касается остальных, то я о них этого сказать не могу. Хотя бы потому, что ты не конкурент таким магнатам, как «Форд», «Мерседес», «Опель», «Роллс-ройс», «Стенли» и «Марк». Германцы, даже несмотря на поражение в войне, ничего не потеряли и сейчас уже преодолели довоенный уровень производства. Но стоит только появиться функциональному образцу двигателя внутреннего сгорания, и их позиции мировых лидеров серьезно пошатнутся. У этого двигателя огромный потенциал и масса преимуществ, о которых умалчивают борзописцы, поливающие эту идею грязью. И Павлу Валентиновичу удалось создать такой двигатель. Мы успели провести целый ряд испытаний и тестов. Двигатель работал безупречно и без труда разгонял авто до девяноста верст в час. Просто нужно еще доработать качество стали, идущей на некоторые узлы, довести до ума систему смазки, охлаждения, потому что перегрев пагубно сказывается на износостойкости частей и механизмов. Но это уже доводка. Конечно, она может занять не один год, но ведь это естественно.

– Двигатель Верховцева взорвался?

– Я не понимаю, как такое могло случиться. Меня там не было. К нему пришла полиция, и он попросил меня уйти.

Игнатьев был несколько не прав в отношении своей дочери. Она не просто была сторонницей уравнивания в правах женщин и мужчин. Это ее желание вовсе не выжалось в том, что она начала курить. Папироса являлась скорее символом, чем самой сутью, как для многих барышень. Александра же пошла дальше: обряжаясь мальчишкой, она устроилась ученицей в механическую мастерскую.

Первая серьезная ссора между ней и отцом случилась, как раз когда он узнал о ее поступке. Отец самым решительным образом потребовал, чтобы Александра прекратила эту блажь и больше в мастерскую ни ногой. И она послушалась.

[Купить полную версию книги](#)

НАМИ-012 – паровой грузовой автомобиль, созданный в СССР. Был разработан в 1949 году Научным автотранспортным институтом (НАМИ). Было построено только три опытных образца. Машина в серию так и не пошла, хотя и имела превосходные характеристики. – *Здесь и далее прим. автора.*

То, что Пастухов об этом не слышал, вовсе не значит, что ее не было. Паровые автомобили, как грузовики, так и легковые, трактора, экскаваторы, – все это было. Машины на паровой тяге некоторое время вполне успешно конкурировали с техникой на двигателях внутреннего сгорания. Но потом ДВС оставили их позади, поскольку оказались более функциональными.

Магазин – в данном случае склад.

Имеется в виду кимберлитовая трубка «Мир» – коренное месторождение алмазов, открытое в 1955 году.